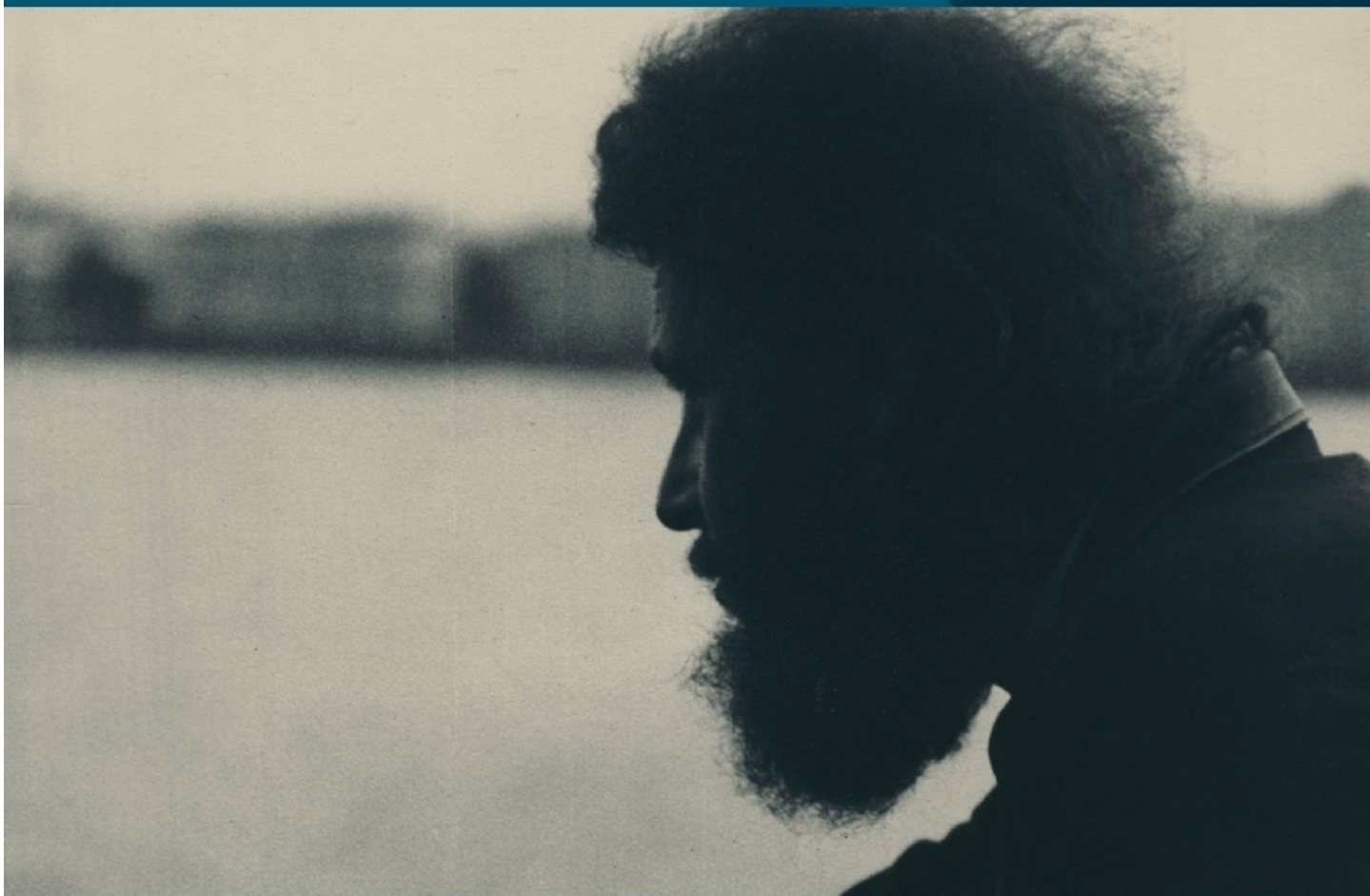


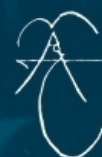


# НА БЕРЕГАХ ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ

КОНСТАНТИН  
КУЗЬМИНСКИЙ  
И ЕГО АНТОЛОГИЯ



ТРУДЫ ЦЕНТРА  
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ  
АМХЕРСТСКОГО КОЛЛЕДЖА



Труды Центра русской культуры Амхерстского колледжа /  
Studies of the Amherst Center for Russian Culture

Сборник

**На берегах Голубой Лагуны.  
Константин Кузьминский  
и его Антология. Сборник  
исследований и материалов**

«Библиороссика»

2022

УДК 82.02  
ББК 83.3(2)6

## **Сборник**

На берегах Голубой Лагуны. Константин Кузьминский и его  
Антология. Сборник исследований и материалов / Сборник —  
«Библиороссика», 2022 — (Труды Центра русской культуры  
Амхерстского колледжа / Studies of the Amherst Center for Russian  
Culture)

ISBN 978-5-907532-33-5

Константин Константинович Кузьминский (1940-2015), с присущей ему провокационностью часто подписывавшийся ККК, был одной из центральных фигур неофициальной литературной сцены Ленинграда. Еще до своей эмиграции в 1975 году он составил целый ряд антологий на основе своего богатейшего литературного и художественного архива советского андеграунда. После полугодичного пребывания в Вене и переезда в США в 1976 году Кузьминский преподавал в Техасском университете в Остине и основал вместе с Джоном Боултом Институт современной русской культуры у Голубой Лагуны, давший позднее название Антологии. После переезда в Нью-Йорк в 1981 году Кузьминский организовал свою галерею и одноименное издательство «Подвал», сменившие несколько адресов, последним из которых стал дом на границе штатов Пенсильвания и Нью-Йорк в поселке Лордвилль. В 2014 году Кузьминский передал свой архив Центру русской культуры Амхерстского колледжа. Настоящее издание подготовлено на основе семинаров по изучению архива, проходивших в Амхерсте в 2017 и 2018 годах, и посвящено истории замысла Антологии, анализу ее состава, творчеству ее авторов и, в первую очередь, личности ее составителя Константина Кузьминского. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.02  
ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-907532-33-5

© Сборник, 2022  
© Библиороссика, 2022

## Содержание

Антология Константина Кузьминского как «живое зеркало»	9
Антология и ее составитель	18
«Этому шедевру – Антологии – в мире не будет никогда повторения...»	18
На пути к Голубой Лагуне: письма Константина Кузьминского из Вены (август 1975 – январь 1976)	21
1. Т. К. Багратиону-Мухранскому	22
2.. Л. В. Нусбергу	23
3. Э. Вейнгер	28
4. Я. А. Виньковецкому	34
5. Р. и Л. Джексонам	35
6. В. А. Бахчаняну	38
7. М. М. Шемякину	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его Антология. Сборник исследований и материалов Составитель— Илья Кукуй

*Посвящается ЭКП – невидимому соавтору Антологии У Голубой  
Лагуны, дизайнеру ее макета и спутнице ее составителя – Эмме  
Кузьминской (Подберезкиной)*



Труды Центра  
русской культуры  
Амхерстского колледжа

Фото на передней обложке – Б. Смелов, на задней обложке – О. Корсунова



© Авторы, текст, фото, 2022  
© Илья Кукуй, подготовка текстов, примечания, 2022  
© Academic Studies Press, 2022  
© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022



Studies of the Amherst  
Center for Russian Culture

**Editorial Board: Catherine Ciepiela Sergei Glebov Michael Kunichika Boris Wolfson**

The Studies of the Amherst Center for Russian Culture, established in collaboration with Academic Studies Press, aspires to publish peer reviewed scholarly volumes of high quality that

substantially draw upon the Centers holdings. The Center was founded in 1991 on the basis of a gift made to Amherst College by alumnus Thomas P. Whitney, class of 1937, a diplomat, journalist, translator, author and collector of Russian manuscripts, rare books, journals, newspapers and art for over thirty years. Whitney's private collection is the core of Centers holdings, which continue to expand thanks to his generous endowment.

The Amherst Center for Russian Culture houses one of the most impressive private collections of rare Russian books and materials outside Russia. The collection represents the breadth and depth of Russian cultural achievement in modern times, primarily in the late nineteenth and twentieth centuries. It is particularly rich in materials concerning the cultural life of the Russian emigration, with hundreds of rare editions of Russian emigre poetry and journals from across the world; a number of Aleksey Remizov's handmade albums and his papers; the archive of *Novyi zhurnal*; and the archives of major emigre figures such as Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky, and Zinaida and Dmitry Shakhovskoy. Later generations of emigre artists and scholars such as Yury Ivask, Roman Goul, and Vadim Kreid, also are well represented. The rare book collection features hand-made futurist books by Natalya Goncharova, Aleksey Kruchenykh, Ve-limir Khlebnikov and others. Soviet culture is represented by valuable arts periodicals; by the Alma Law archive, documenting the life of theater in the late Soviet era; and by collections of dissident and samizdat materials, such as the Grigorenko Family Papers. Konstantin Kuzminsky's complete literary archive, including the materials that went into the making of his landmark anthology, *Golubaia laguna*, allows for in-depth study of unofficial culture. This volume is dedicated to the legacy of Kuzminsky.

Scholars interested in exploring the full range of the collection are invited to visit the Center's website: <https://www.amherst.edu/academiclife/departments/russian/acre>



Труды Центра русской культуры  
Амхерстского колледжа

**Редакционная коллегия: Борис Вольфсон Сергей Глебов Майкл Куничика  
Кэтрин Чипела**

Труды Центра русской культуры Амхерстского колледжа (США), выходящие в сотрудничестве с издательством «Academic Studies Press», в своих научно подготовленных и рецензируемых изданиях знакомят читателя с архивным собранием Центра. Центр русской культуры был открыт в 1991 году на основе дара, преподнесенного колледжу Томасом Уитни выпускником Амхерста 1937 года – дипломатом, журналистом, переводчиком, писателем, на протяжении тридцати лет собиравшим ценнейшую коллекцию рукописей, редких книг, журналов, газет и произведений изобразительного искусства России и СССР. Частное собрание Томаса Уитни составляет ядро фондов Центра, которые продолжают пополняться из средств щедрого пожертвования Уитни.

Благодаря этому Центр русской культуры хранит одну из наиболее впечатляющих частных коллекций редкой русской книги и русского искусства за пределами России. Собрание охватывает широкий диапазон достижений русской культуры нового времени, в первую очередь конца XIX и XX веков. Особенно широко представлены материалы культурной жизни русской эмиграции, включая сотни редких изданий русской поэзии и журналов со всего мира,

рукописные и коллажные альбомы А. М. Ремизова и его творческие и биографические материалы, архив «Нового журнала», собрания ведущих фигур русской эмиграции (З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского, З. А. и Д. А. Шаховских и многих других). Последующее поколение художников и ученых русской эмиграции представлено в том числе материалами Р. П. Гуля, Ю. П. Иваска, В. П. Крейда, а отдел редкой книги содержит экземпляры футуристических изданий Н. С. Гончаровой, А. Е. Крученых, В. В. Хлебникова и многих других. Советская культура охвачена представительным собранием художественной периодики, коллекцией Альмы Лоу, документирующей жизнь позднесоветского театра, а также документами самиздата и правозащитного движения, в том числе коллекцией П. Г. Григоренко и его семьи. Литературный архив К. К. Кузьминского, включающий в себя материалы его легендарной многотомной Антологии новейшей русской поэзии *У Голубой Лагуны*, открывает широкие перспективы для исследователей советской неофициальной культуры. Ему и посвящено настоящее издание.

Исследователей, желающих ознакомиться с собранием во всей его полноте, приглашаем посетить страницу Русского центра: <https://www.amherst.edu/academiclife/departments/russian/acrc>

Кроме особо оговоренных в статьях случаев, ссылки на «Антологию новейшей русской поэзии *У Голубой Лагуны*»<sup>1</sup> (сост. К. К. Кузьминского и Г. Л. Ковалева) во всех материалах сборника даются в тексте как АГЛ с указанием тома и страниц по изданию Oriental Research Partners (Newtonville, Mass.):

- АГЛ 1 – Т. 1, 1980.
- АГЛ 2А – Т. 2а, 1983.
- АГЛ 2Б – Т. 2бб, 1986.
- АГЛ 3А – Т. 3а, 1986.
- АГЛ 3Б – Т. 3б, 1986.
- АГЛ 4А – Т. 4а, 1983.
- АГЛ 4Б – Т. 4б, 1983.
- АГЛ 5А – Т. 5а, 1986.
- АГЛ 5Б – Т. 5б, 1986.

Ссылки на материалы фонда К. К. Кузьминского в собрании Центра русской культуры Амхерстского колледжа указаны в тексте как ACRC № коробки: № папки, № страницы. Списки использованной литературы помещены после статей; ссылки на литературу в примечаниях к публикациям даются постранично. Подчеркивания и другие авторские выделения в цитатах, в отличие от курсива авторов сборника, обозначены полужирным курсивом.

Составитель благодарит Джона Боулта, Киру Долинину, Петра Казарновского, Анну Рождественскую, Наталью Скворцову, Евгения Сошкина, Надежду Спивак, Габриэля Суперфина, Джеральда Янчека за помощь в работе над сборником.

---

<sup>1</sup> Авторское написание заглавия антологии не отличалось последовательностью. Русское заглавие было эквивалентом названия Института современной русской культуры у Голубой Лагуны, в котором Кузьминский руководил отделом литературной практики (см. интервью с директором Института Д. Боултом в наст. изд.); в английском варианте – «The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry» – обозначение «У Голубой Лагуны» было собственно названием антологии. Написание заглавных букв как в названии Института, так и в названии антологии, как правило, ориентировалось на английскую норму заглавий (самостоятельные части речи начинаются с прописных букв, служебные – со строчных). В целях единообразия в случае полного указания заглавия антологии по всей книге используется указанное написание, в котором курсив подчеркивает название «У Голубой Лагуны» (на печатной машинке, на которой составлялась АГЛ, курсива не было).

## Антология Константина Кузьминского как «живое зеркало» Илья Кукуй

«Антология новейшей русской поэзии *У Голубой Лагуны*» (далее в тексте как АГЛ), вышедшая под редакцией Константина Константиновича Кузьминского в издательстве Oriental Research Partners (Newtonville, Mass.) в 1980–1986 годах, вне всякого сомнения, хорошо известна каждому специалисту, занимающемуся неподцензурной поэзией советского периода. Для многих читателей на Западе, в особенности до развития электронных технологий, она была первым источником знакомства с литературой самиздата, а в России, еще до того, как появилась в электронной версии, – одним из самых легендарных проектов тамиздата. По своему масштабу – пять томов в девяти книгах – АГЛ до сих пор является самым объемным изданием, посвященным не только советской неофициальной поэзии, но и всей русской поэзии в целом. «Крупнейшей русской антологией» называл ее Вадим Крейд и отмечал в 1985 году: «Теперь, после выхода в свет этих томов, вряд ли кто-нибудь может сказать, что он хорошо знает современную поэзию, если он не знаком с Антологией» [Крейденков 1985: 183]. В то же время характер этого проекта столь своеобразен, что выводит его за рамки обычной антологии и делает в равной степени как авторским литературным произведением, так и документом эпохи, воспроизводящим и воссоздающим механизмы породивших его культурных полей – сам- и тамиздата. Восстановлению контекста, в котором возникла АГЛ, – биографического исторического, социокультурного, поэтического – и посвящен настоящий сборник.

Жанр антологии, естественный для литературной рефлексии тамиздата, обобщавшего немногочисленные знания о происходящем за железным занавесом, самиздату был не свойствен. Это легко объяснимо: антология как инструмент литературной канонизации возникает в момент осмысления определенного периода или явления как целого и подразумевает работу с устоявшимся корпусом текстов и статусом их авторов. Рефлексия самиздата была направлена в большей степени на фиксацию литературного процесса, чем его итогов, поэтому ведущим жанром самиздатской публикации, объединяющей нескольких авторов, вполне логично становятся альманахи<sup>2</sup> и начиная с середины 1970-х годов литературная периодика. В этой связи особенно примечательным кажется тот факт, что почти все попытки создания литературных антологий – во всяком случае, в ленинградской «второй культуре» – связаны с именем Кузьминского.

Константин Константинович Кузьминский родился в Ленинграде 16 апреля 1940 года и окончил первую в СССР школу с углубленным изучением английского языка. Относительно свободное по советским меркам владение английским позволяло ему не только участвовать в работе знаменитого в Ленинграде переводческого семинара Т. Г. Гнедич и одно время быть ее литературным секретарем, но и поддерживать активную связь с западными исследователями и литераторами. Так, в 1972 году в нью-йоркском издательстве *Doubleday* выходит одна из первых антологий неофициальной советской поэзии «*The Living Mirror*», составленная Сюзанной Масси при активном участии Кузьминского, о чем речь пойдет далее.

Замысел антологии возник у Кузьминского, однако, значительно раньше. «С 1959 года я мечтал об антологиях, но невозможно было делать их в тех условиях», – признавался позднее Кузьминский в письме переводчику и филологу Е. Г. Эткинду из Вены от 25 декабря 1975 года<sup>3</sup>. Действительно, свою деятельность как составителя и публикатора он начинает в

---

<sup>2</sup> «Чудовищных размеров альманахом» называл Антологию и Крейд [Крейденков 1985: 180].

<sup>3</sup> См. публикацию венских писем Кузьминского в наст. изд.

1962 году со второго выпуска поэтического альманаха «Призма» в самиздатском издательстве Бориса Тайгина «БэТа», однако уже в том же году меняет жанр и создает вместе с Тайгиным «Антологию советской патологии», долгое время считавшуюся утерянной, но не столь давно найденную В. И. Орловым в следственном деле Александра Гинзбурга. Несмотря на то что сам Кузьминский позднее утверждал, что антология «включала в себя по стишке и два – всех ведущих и “не-ведущих” московских поэтов» [Орлов 2016: 151], экземпляр Гинзбурга говорит скорее о субъективном подходе составителя к подбору авторов. Орлов указывает на то, что содержание антологии «во многом совпадает с составом поэтов, принимавших участие в единственном вечере, организованном ККК<sup>4</sup> в молодежном кафе “Улыбка” в Ленинграде 23 декабря 1962 года» [Там же]<sup>5</sup>. Тем самым Кузьминский следует здесь примеру И. С. Ежова и Е. И. Шамурина, включивших в свою антологию «Русская поэзия XX века» «ряд молодых поэтов, литературная физиономия которых окончательно еще не определилась, но уже несет в себе некоторые своеобразные черты» [Ежов, Шамурин 1925: 5]. Но если для Ежова и Шамурина такой принцип отбора знаменовал собой типичную для эпохи Пролеткульта надежду найти новых поэтов в среде молодых рабочих, то Кузьминский декларирует здесь подход, которому остается верен всю жизнь, – максимально широкий охват литературной сцены и внимание к малым именам<sup>6</sup>. «Всё это бульон, а если кто предпочитает клецки или там гренки и фрикадельки – его свободный выбор. Я выбираю бульон», – писал Кузьминский в письме поэту Геннадию Трифонову от 9 февраля 1987 года [Кузьминский 1998], и в значительной степени АГЛ воссоздает именно питательную среду неофициальной культуры, ее почву, из которой вышли – или так и не вышли – отдельные ее представители<sup>7</sup>.

В начале 1970-х годов Кузьминский предпринимает вторую, гораздо более масштабную попытку создания литературной антологии ленинградской поэзии. Толчком к ее созданию послужило знакомство с американской писательницей Сюзанной Масси (Suzanne Massie), приехавшей в Ленинград в 1967 году, и издание ею спустя пять лет антологии «The Living Mirror» в издательстве *Doubleday*. Кузьминский, работавший тогда англоязычным экскурсоводом в Павловском дворце, пригласил Масси на свой литературный вечер в Доме кино. Дальнейшее мы знаем по словам Кузьминского, которые примечательны независимо от точности передачи деталей: «Сюзанна, обалдев, сказала: “Что тебе – книгу издать?” – “Нет, – я говорю, – давай антологию. <...> Соснора, Горбовский, Бродский, Кушнер, ну и я, темная лошадка”. Пять лет ушло на это. Какие-то американские самодеятельно-графоманы переводили. Перевод читать физически невозможно...» [Кузьминский 2003а]. Неудовлетворенный результатом, Кузьминский создает свой вариант – монументальную двухтомную антологию «Живое зеркало». Интересно, что в ней Кузьминский – при ярко выраженном авторском характере антологии – впервые делает то самое, что впоследствии совершит в АГЛ, а именно объявляет соавтором Масси – человека, вдохновившего его на труд, но непосредственно в нем не участвовавшего (как известно, изд. номинальным составителем АГЛ был также непосредственно не участвовавший в ее создании Григорий Ковалев).

<sup>4</sup> Здесь и далее ККК – Константин Константинович Кузьминский.

<sup>5</sup> Следует отметить, что наблюдения о составе авторов носят предварительный характер, поскольку мы не знаем, первый или второй выпуск «Антологии советской патологии» попал в дело Гинзбурга и было ли их действительно два, как утверждал Кузьминский в статье 1995 года «Антология одного стихотворения, или “С паршивой овцы – хоть шерсти клок...”». URL: <http://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/antlst.htm> (дата обращения: 23.11.2018).

<sup>6</sup> Другое важное, если не важнейшее, отличие Антологии Кузьминского от труда Ежова и Шамурина заключается в том, что в антологию последних «были включены лишь те, которые выпустили отдельные сборники своих произведений» [Ежов, Шамурин 1925: 5] (разрядка авторская. – И. К.), подход же Кузьминского был, по понятным причинам, строго противоположным. Анализу принципов составления АГЛ посвящен материал Юлии Валиевой в наст. изд., там же на материале переписки с Кузьминским проанализирован принцип периодизации русской литературы, выбранный поэтом Олегом Охапкиным.

<sup>7</sup> Роли почвы в «ленинградском тексте» неофициальной культуры, в частности у Виктора Кривулина, посвящен материал Кристиана Цендера в наст.

Два тома «Живого зеркала», озаглавленные «Первый этап» и «Второй этап», включали в себя стихотворения 28 ленинградских поэтов: первые 14 представляли, по словам Кузьминского в предисловии, его «учителей или, скажем, старших братьев по перьям», вторые 14 – «друзей, или учеников, или просто ровесников»<sup>8</sup>. Подборка каждого поэта предварялась кратким предисловием Кузьминского, в котором упор делался не на биографические данные, а на впечатление составителя от произведений и на его мнение о личности поэта. Тем самым воплощался девиз Кузьминского – первая фраза второго тома антологии «Живое зеркало»: «Литература – это не только тексты. Это еще и жизнь»<sup>9</sup>.

Кроме «Живого зеркала», среди самиздатских изданий Кузьминского следует упомянуть антологию прозы «Лепрозорий-23», незавершенную антологию поэзии «Юг», реализованную позднее уже в составе АГЛ, а также активное участие поэта в составлении сборника «Лепта» – последней попытки ленинградской «второй культуры» 1970-х годов выйти в официальное литературное поле<sup>10</sup>. Их сопоставление с АГЛ показывает резко возросшее значение авторского комментария и коллажной техники на всех уровнях книги, начиная от компоновки материала и кончая созданием макета, изготовлявшегося Кузьминским и его женой Эммой Подберезкиной вручную, «всё это превращается в ткань – поэмы ли, романа, антологии – *принцип один*. – коллаж»<sup>11</sup>, – писал позднее Кузьминский в письме Асе Майзель от 21–22 <?> августа 1998 года [Кузьминский 20036: 73].

Тот же коллажный принцип отличает и художественные произведения Кузьминского 1960-1970-х годов, поэму «Вавилонская башня» и роман «Hotel zum Тюркен» – книги, сочетавшие разные языки, слово и изображение, литературный и газетный текст. Своеобразным апогеем этого жанра станет последняя книга Кузьминского «Роман-газета» (2014), вся построенная как ретроспективный коллаж документальных, газетных и изобразительных материалов, подводящих итог его литературному труду. В АГЛ сама фактура книги должна была подчеркнуть документальный характер издания, воспроизводящего эстетику самиздата, а полемический, субъективный, неполиткорректный комментарий составителя – своеобразную телесность неофициальной культуры, в которой, с точки зрения Кузьминского, чистота творческих исканий органично сочеталась с грязью литературного и советского быта. Интенсивность художественного жеста Кузьминского может объясняться и тем фактом, что к началу работы над своим *opus magnum* он уже не чувствовал себя частью этого литературного тела – АГЛ стала своего рода гиперкомпенсацией отстранения Кузьминского от органичной для него традиции.

В начале 1970-х годов Кузьминский начал подготовку к эмиграции: основным двигателем стало его желание осуществить на Западе издание тех авторов, которые в СССР были обречены на существование за рамками официальной культуры. С этой целью Кузьминский собирает гигантский архив рукописей, манускриптов, фотокопий и аудиозаписей, который переправляет через голландское консульство в Израиль – обычный в то время транспортный путь, возможный постольку, поскольку СССР не поддерживал с Израилем каких бы то ни было дипломатических отношений. В силу разных причин архив на длительное время в Израиле застревает, и получить его Кузьминский смог лишь в конце 1970-х годов уже в США. Так, обе антологии «Живое зеркало» были получены им только осенью 1977 года.

Выехав из СССР в июле 1975 года в Вену, Кузьминский планировал переехать во Францию и начать там свою издательскую деятельность. Первым проектом должен был стать альма-

<sup>8</sup> Здесь и далее «Живое зеркало» цит. по экземпляру антологии в [ACRC 40: 1–4].

<sup>9</sup> Анализ Петром Казарновским одной из подборок «Живого зеркала», посвященной Леониду Аронзону, см. в наст. изд.

<sup>10</sup> О «ленинградочентричности» АГЛ см. материал Ивана Ахметьева в наст. изд., где предпринята попытка охватить очертания «московского текста» неофициальной культуры. Одному из «провинциальных» сюжетов АГЛ, альманаху «Майя», посвящен материал Владимира Орлова.

<sup>11</sup> В компьютерной переписке Кузьминский, как правило, игнорировал прописные буквы. В воспроизведении цитат здесь и далее мы следуем источнику.

нах, изданный впоследствии Михаилом Шемякиным под названием «Аполлон-77» и ставший первым представительным и необыкновенно пышно оформленным изданием, представляющим советскую неофициальную культуру на Западе. Кузьминскому также было предложено возглавить вместе с Шемякиным редколлегию эмигрантского литературного журнала «Возрождение». Материалы собрания Кузьминского позволяют реконструировать этот период его жизни и судьбу различных эдиционных проектов, отражающих не только специфику личности и стиля самого редактора, но и дух той эпохи<sup>12</sup>.

Сложности в получении документов, отсутствие доступа к архиву, а также сразу обозначившиеся принципиальные мировоззренческие – в первую очередь эстетические и поведенческие – расхождения с разными кругами русской эмиграции и западного литературного и научного истеблишмента привели к тому, что Кузьминский после длительного пребывания в Вене (его он опишет в романе «Hotel zum Тюркен») принимает приглашение профессора Сиднея Монаса и переезжает в США, где после нескольких месяцев на ферме Толстовского фонда получает преподавательское место по русской и английской (!) литературе в Техасском университете (г. Остин) и вместе с искусствоведом Джоном Боултом организует некоммерческую организацию «Институт современной русской культуры у Голубой Лагуны» (откуда и название АГЛ), в которой возглавляет отдел литературной практики<sup>13</sup>.

Среди первых проектов Кузьминского была несостоявшаяся книга «20 поэтов Ленинграда в текстах и фотоматериалах», над которой он работал в конце 1976 года совместно с будущей звездой американской славистики Кэрол Эмерсон, учившейся у него в Остине. Переводы Эмерсон были опубликованы в студенческих журналах *Ticket* и *Cherez*. Надежды на выпуск ленинградских поэтов отдельными сборниками тоже пришлось оставить, о чем Кузьминский вспоминал позднее:

еще осенью-зимой 76-го, читая курс «современной ленинградской поэзии» 6-ти профессорам и 6-ти аспирантам же в Техасе (естественно, ПО-АГЛИЦКИ, переводя на ходу исполняемые стихи – подстрочником на ихнюю мову...), задавал вопрос своему шефу Сиднею монасу: а если хоть сборничками, серией поэтов этих – славики купят? не, не купят, – отвечал мудрый сенька монас (монастырский, из украинских «после-погромных» эмигрантов).

[Там же: 33]

В то же самое время Кузьминский вместе с Аллой Бураго работает над переводом на английский язык дневника Юлии Вознесенской – поэта, видной активистки ленинградского андеграунда, члена редколлегии сборника «Лепта» и одного из организаторов демонстрации 14 декабря 1975 года на площади Декабристов в Ленинграде. Тогда же зреет замысел будущей антологии<sup>14</sup>: погрузившись с головой в быт «второй культуры», Кузьминский, как он писал позднее, получил толчок к созданию своей летописи. И если первоначально антология планировалась двуязычной, с переводами Пола Шмидта и публикацией в *Texas Press*, то в итоге Кузьминский, найдя в лице Филиппа Кленденнинга издателя, готового на русскоязычное издание, останавливается на окончательной форме АГЛ, чьим адресатом становился исключительно русскоязычный читатель. Переписка Кузьминского с издателем показывает, что он прекрасно осознавал рамки своей аудитории. Так, в письме от 6 августа 1979 года он пишет:

---

<sup>12</sup> См. материал венской переписки Кузьминского в наст. изд.

<sup>13</sup> См. об этом статью Энсли Морс и интервью Леонида Межибовского с Джоном Боултом в наст. изд.

<sup>14</sup> Одной из несостоявшихся инкарнаций АГЛ, планировавшейся совместно с художником Львом Нусберггом, посвящен материал Томаша Гланца в наст. изд.

I include the shortest version of an ad in Russian (we don't NEED American type, believe me), you can just send it to the mags and papers mentioned. Do not insist on BIG size: the names will speak for themselves. Just modest one. It's an anthology, just more NAMES, than pretty words. Forgive me for teaching RUSSIAN kind of customers psychology, just believe me (in this case).

[ACRC 26: 8]

Тот факт, что АГЛ, кроме первого тома, не распродана до сих пор и может быть куплена у издательства, свидетельствует не столько о том, что Кузьминский плохо знал психологию русского покупателя, а Кленденнинг – американского, сколько о специфическом характере получившегося издания, носящего, при всей мощи его культуртрегерского жеста, отчетливо контр-культурный характер<sup>15</sup>. Кузьминский создает своего рода монтажный роман о неофициальной культуре, который заслуживает к себе отношения именно как к целостному литературному произведению. Одним из первых это заметил в своей рецензии один из персонажей АГЛ писатель Юрий Милославский:

Это не Антология. Это – роман в форме антологии, и все мы, – или не мы? – герои его романа. <...> Поэтому я там совершенно спокойно встречаю никуда не годные стишки, графоманию, всякое бессмысленное трепыхание на задворках литератур и школ. Это герои! Может же быть в романе – герой-неудачный стихотворец? Сказал две-три фразы и ушел<sup>16</sup>.

[Милославский 1985: 320]

Жизненный и творческий путь Кузьминского в США определялся его верностью идеалам неофициальной культуры. Эпатажность поведения Кузьминского, его неразличение сфер публичного и частного, а также демонстративное пренебрежение академическими традициями и узко понимаемой цеховой солидарностью, отмечаемые многими современниками, были вызваны не столько чертами своеобразной личности поэта, сколько сознательно выбранной им позицией маргинального художника и культуртрегера. Положение *ad marginem* – вне быстро закончившейся академической карьеры, твердого рабочего места или принадлежности к какому-либо узкому кругу – позволило Кузьминскому сохранить независимость и продолжить свою художественную и издательскую деятельность в тех рамках, которые определял только он сам. Этим же объясняется и своеобразие его знаменитой антологии. Следование традициям анархизма, русского футуризма и акционного искусства 1960-1980-х годов сформировало не только уникальный образ поэта, перформера, издателя и исследователя, но и концепцию его главного творения.

Характерным примером «неофициальное™» АГЛ и связанных с этим проблем становится случай И. А. Бродского и Д. В. Бобышева. Он ярко демонстрирует столкновение эдизонных практик сам- и тамиздата – проблему, существенную для АГЛ, составитель которой работал по принципам самиздатской и своей личной этики, но вынужден был считаться и с правилами игры на Западе. Легитимация свободного обращения с текстами других авторов была заявлена Кузьминским в предисловии к «первому этапу» «Живого зеркала»:

Я хочу дать представление о ленинградской поэзии за последние 20 лет, и я это сделаю. Эти стихи звучали в аудиториях и в Союзе писателей, перепечатывались на машинке и запоминались наизусть. Я не знаю, что такое «авторское право». Автор имеет право на тексты, сохраняемые им в столе. Тексты же, свободно гуляющие по городу (и городам) в течение 15

---

<sup>15</sup> Об отношениях Кузьминского с издателем см. интервью Юлии Горячевой с Михаилом Левиным в наст. изд.

<sup>16</sup> Различным героям АГЛ (как удачным и удачливым, так и не очень) посвящен отдельный блок материалов в наст. изд.

лет, принадлежат уже не автору, а читающей публике. Автору же может принадлежать только гонорар.

Можно было бы предположить, что эти принципы, основанные на свободной циркуляции текстов в самиздате, принимались по умолчанию всеми акторами поля неподцензурной литературы, однако пример Дмитрия Бобышева, воспротивившегося публикации своих стихотворений в «Живом зеркале», показывает, что не всегда это было так. В рамках неофициальной культуры Кузьминский, однако, смог последовательно провести свою линию, обосновав публикацию текстов Бобышева в предисловии к «Живому зеркалу» в следующем обращении к автору:

Обидно, что Дима Бобышев с такой категоричностью отказывается принять участие в судьбе собственных текстов. Но это его дело. <...> Я скажу ему: «Дима! <...> Вы не можете вынуть себя из литературного процесса. Вас слушали, Вас читали, Вас знали. А я лишь фиксирую то, что известно многим. Ваш сборник стихотворений, отпечатанный на машинке в 63-м году, стал уже достоянием истории. И Вы не можете запретить мне писать о Вас, говорить о Вас и цитировать Вас. Что я и делаю. *И если я* помню Ваши стихи наизусть, то кому они принадлежат – читателю или Вам? Я думаю, что обоим. <...> Я люблю Ваши стихи, на гонорар же не претендую. Я их собрал, я и печатаю. Dixi.

Нельзя исключать, что и Бродский, к тому времени уже эмигрировавший в США, воспротивился бы публикации своих стихотворений в «Живом зеркале», если бы знал вступительные слова Кузьминского:

О Бродском говорить нечего. Знаю его еще <...> с января 1959. Но другом не стал. Носился с его стихами как с писаной торбой, несколько лет. Сделали первую книгу его стихов (с Г. Ковалевым и Б. Тайгиным). Создали легенду о Бродском. Сейчас пожинаем плоды. Рукописи его подарил кому-то. Мне он больше не нужен. Он нужен истории. А меня всегда интересовали живые поэты.

В случае АГЛ, при сохранении личного и зачастую нелицеприятного тона по отношению к своим персонажам, Кузьминский поставил перед собой еще более масштабные задачи, которые емко охарактеризовал Лев Лосев: «Цель подобной антологии не собрать всё лучшее <...> а <...> собрать по возможности всё» [Лосев 1981]<sup>17</sup>. Интересно, что именно масштаб задач определял, по словам Кузьминского в предисловии «От составителя» к АГЛ, принцип работы с текстами:

Далеко не все авторы озаботились собственными подборками, помимо того, с течением времени, меняется и отношение автора к ранним стихам, что создает дополнительные трудности. Автор желает печатать только последние тексты. Антология же замыслена как ретроспективная и репрезентативная, так что с волей автора не всегда возможно считаться.

[АГЛ 1:20]

При заявленной ретроспективности и репрезентативности составитель не скрывал: «Это МОЯ история поэзии за последние четверть века» [Там же: 22]. Однако Кузьминский был вынужден столкнуться с ограничениями, накладываемыми на составителя антологии, выходящей из самиздата в официальное поле литературы. Второй том АГЛ был отправлен издателем

---

<sup>17</sup> Лев (Алексей) Лосев (Лифшиц) в первом томе АГЛ значился в составе редколлегии; начиная с тома 2А указание на редколлегию отсутствовало, как и сама редколлегия. О месте Лосева в издании АГЛ и его отношениях с Кузьминским см. материал Яши Клоца в наст. изд.

на внутреннюю рецензию Юрию Иваску, которому оказался чужд как тон авторского комментария Кузьминского (занимающего, как известно, в АГЛ значительное место), так и принципы отбора материала. И если рекомендации Иваска – сократить текст тома на 50–60 %, удалить все сведения и суждения, кого бы то ни было порочащие, пересмотреть многие критические статьи и, главное, сместить Кузьминского с поста единоличного редактора АГЛ, – были проигнорированы, то требование Бродского и Бобышева снять свои материалы, во избежание того самого судебного процесса, о котором писал Кузьминский в предисловии к «Живому зеркалу», было выполнено: том 2Б вышел спустя шесть лет с подзаголовком: «2Б без двух “Б”, но зато со многими другими»<sup>18</sup>.

Эмиграция поставила Кузьминского в положение вынужденного острашения по отношению к его героям, а выбранная им форма дала возможность реализовать монтажную технику, превратившую его роман в своеобразное произведение литературы факта. Осуществив свой проект в тамиздате, Кузьминский долгое время надеялся на то, что АГЛ дойдет и до России, однако лишь при условии сохранения в неприкосновенности как авторского комментария, так и типографской формы, включая шрифты и плохое качество иллюстраций. Первый том был в итоге переиздан в Москве в 2006 году, а развитие интернета сняло проблему доступности. Интересно, что сам Кузьминский рассматривал интернет как продолжение самиздата, подводя итог судьбе своей антологии и ее значению для советского и постсоветского читателя в письме А. Л. Майзель так:

а что «невъебимо» это для пост-совковой итээрни – цветкова, кривулина, даже – оси бродского, так я – не для них писал. А для себя. <...> Получилось – и ладно. И кончилось – в 1986-м, с приходом... Горбачева. Сами уже смогли начать печататься. <...> Незачем свиней вареньем кормить, диетические бродский/ахматова – им еще – лет на 25 на жвачку хватит... вот, а теперь прощаюсь я, асенька львовна, спасибо, что помните, а письмо – можете запузырить в самиздат, ксероксом, оно, как и всё что я пишу, адресовано и конкретно, и абстрактно, обращаюсь к человеку – получается, не к одному...

[Кузьминский 2003б: 34]

\* \* \*

Собрание К. К. Кузьминского было приобретено директором Центра русской культуры Амхерстского колледжа Стэнли Рабиновичем в 2014 году. Уже после смерти Кузьминского его вдова Эмма Карловна Подберезкина передала Центру ряд других материалов, существенно обогативших архивный фонд. Большая часть фонда, за исключением неописанных, поврежденных и закрытых фондообразователем материалов, открыта для исследователей. На основе собрания Кузьминского в августе 2017 и 2018 годов в Амхерсте были проведены два архивных семинара. Результаты исследований его участников составляют ядро настоящего сборника.

Коллекция Кузьминского, которую он тщательно собирал с конца 1950-х годов и до конца своей жизни, в силу необыкновенной широты интересов составителя, многообразия его художественных и издательских проектов, а также обилия контактов с самыми разными представителями русской культуры в СССР, России и на Западе являет собой собрание материалов, составляющих единый полифонический и мультимедиаальный текст о русской культуре второй половины XX века. В нее входит обширная переписка с деятелями неофициальной советской культуры, диссидентами, кругами русской эмиграции, исследователями, издателями и

---

<sup>18</sup> О рецензии Иваска и столкновении разных концепций литературных антологий см. материал Михаила Павловца в наст. изд.

критиками; авторские, в т. ч. малотиражные и опубликованные в самиздате экземпляры многочисленных антологий Кузьминского, сборники его стихотворений и прозы, макеты и рабочие материалы к ним; машинописные списки, подборки, автографы и малотиражные издания фактически всех значительных деятелей неофициальной русской культуры, в т. ч. русской эмиграции. Отдельные обширные собрания посвящены Л. Л. Аронзону, Ю. Н. Вознесенской, А. Г. Волохонскому, А. М. Кондратову, С. Я. Красовицкому, В. П. Крейду (Крейденкову), Э. В. Лимонову (Савенко), Л. В. Лосеву (Лифшицу), Н. Г. Медведевой, Л. В. Нусбергу, А. И. Очеретянскому, О. С. Прокофьеву<sup>19</sup>, Б. И. Тайгину (Павлинову), А. В. Тату (Татаровичу), А. Л. Хвостенко, Е. А. Хорвату и мн. др. Обширный фото-, видео- и аудиоархив дополняет это представительное собрание сам- и тамиздата. В своей цельности собрание Кузьминского дает исследователю множество уникальных возможностей. Настоящий сборник сфокусирован на антологии Кузьминского и личности ее составителя; кроме того, основными направлениями дальнейших исследований можно назвать следующие:

- история неофициальной поэзии СССР 1950-1980-х годов, в первую очередь Ленинграда; творчество отдельных авторов, произведения многих из которых еще не опубликованы, а к изданиям прочих по материалам Кузьминского можно внести существенные дополнения;
- периодика и литературные издания самиздата;
- история русской эмиграции, взаимоотношения внутри литературы диаспоры между представителями различных поколений и эстетических платформ;
- социология самиздата и эмигрантской литературы;
- изобразительное искусство советского нонконформизма;
- рецепция неофициальной советской культуры за рубежом (эмигрантская критика, западноевропейское и североамериканское литературоведение, личные взгляды в переписке) и т. д.

Для специалистов, занимающихся исследованиями в указанных направлениях, коллекция Кузьминского является одним из тех источников, без которых знания о почти полувековой истории русской культуры могут считаться неполными. Как своеобразное живое зеркало – название двухтомной предшественницы АГЛ здесь, конечно, не случайно, – оно отражает не только точку зрения своего составителя и авторов, но и те взгляды, которые бросали на него современники и читатели последующих поколений. Центр русской культуры Амхерстского колледжа надеется, что настоящее издание будет лишь первым шагом в освоении этого богатейшего собрания.

## Библиография

Ежов, Шамурин 1925 – Русская поэзия XX века / сост. И. С. Ежов и Е. И. Шамурин. М.: Новая Москва, 1925.

Крейденков 1985 – *Крейденков В. П.* Крупнейшая русская антология // Синтаксис. 1985. № 14. С. 179–183.

Кузьминский 1998 – *Кузьминский К. К.* «Умеренности я в себе не наблюдаю, ни в чем...» // Пчела. 1998. № 12. URL: <http://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/pchela.htm> (дата обращения: 6.11.2021).

---

<sup>19</sup> Материалы Олега Прокофьева в составе собрания Кузьминского легли в основу первого издания Трудов центра русской культуры Амхерстского колледжа. См.: *Прокофьев О. С.* Свеченье слов: Поэтические произведения / сост. И. Кукуй и Д. Смирнов-Садовский. Бостон; СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссия, 2020.

Кузьминский 2003а – Константин Кузьминский: «Я – последний андеграунд» (интервью М. Георгадзе) // Русский базар. 2003. № 12 (362). URL: <http://russian-bazaar.com/ru/content/2360.htm> (дата обращения: 6.11.2021).

Кузьминский 2003б – *Кузьминский К. К.* Не столько о поэтике, сколько – об этике: Книга писем / сост. А. Л. Майзель. СПб.: Петербург-XXI век, 2003.

Лосев 1981 – *Лосев А. [Лившиц Л. В.]* От финских хладных скал до Голубой лагуны // Новый американец. 1981. № 54. 17–23 февр. С. 22.

Милославский 1985 – *Милославский Ю. Г.* Диалогоподобная беседа двух литераторов о еще трех (томах «Антологии Голубой Лагуны» Константина К. Кузьминского: 2а, 4а и 4б) // Мулета Б: Семейный альбом. Париж, 1985. С. 318–326.

Орлов 2016 – *Орлов В. И.* ФСБ, АСП и ККК (из архива Алика Гинзбурга) // Acta Samizdatica. 2016. Вып. 3. С. 149–159.

## Антология и ее составитель

### «Этому шедевру – Антологии – в мире не будет никогда повторения...» Из беседы Ильи Кукуя с Валерием Молотом<sup>20</sup>(сентябрь 2020)

\* \* \*

Думаю, это был 59-й год. Костя учился в университете на биофаке с моим близким другом, Юрой Климовым. Я уже писал тогда. Кажется, всё началось с «Зуба». Была такая газета «Зуб», филфак выпустил, а я в это время учился в Политехе, временно – год, и написал статью в защиту американского киноискусства. «Зуб» ее опубликовал, и Кок тогда написал гениальный стих, который он, в общем-то, не популяризировал нигде. «Новобранцы» назывался. Я тогда в первый раз увидел, как в стихе можно передать движение, и меня это просто поразило. Стих был такой:

Идут, идут, идут, идут  
Десятками и сотнями,  
Идут, идут, идут, идут,  
И спаяны, и сотканы.  
И что ни шаг – подошвы шарк,  
Сбиваются с шага,  
И пот  
Из-под  
Шапок.

Я обалдел от этого ритмического – споткнулись, пошли, зашаркали... Я вижу эту чечетку балетную! Всё, и нас познакомили. А про меня 30 января 1960 года в «Смене» написали статью «Колумб из Политехнического». Этот дурак Талунтис написал: «Колумб открыл Америку с капитанского мостика, а Молот из кинозала». Там про три американских фильма было: «Рапсодия», «Марти» и «Война и мир», и я писал, что больших проявлений человечности я на экране еще не видел никогда. Было много шума, заклеили меня как могли, и я ушел из Политеха. И после этого мы с Коком уже стали близки. Он еще молодой был, худой такой. Не было еще у него никакой «школы».

---

<sup>20</sup> Молот Валерий Львович – переводчик, адвокат; по словам Кузьминского, его «друг (в молодости) и учитель (в вечности)» (*Кузьминский К.* Каждый молот, молот, молот... [АГЛ ЗБ: 596]). См. также письмо Молота коллективу Арт-центра «Борей» (Санкт-Петербург), написанное после смерти Кузьминского. URL: <http://borey.ru/gallery/pamyati-konstantina-kuzminkogo-1940-2015/> (дата обращения: 27.11.2021).

\* \* \*

Я ему всегда говорил про его стихи, как они мне слышатся. «Вавилонскую башню» он читал мне, думаю, одному из первых. Я от нее просто валялся. Я говорил: «Кок, ведь у тебя четыре-пять стилей!» Когда у него запои были, он мог сутками говорить стихами. Ну, как я сейчас понимаю, не стихами, а рифмами. Я помню: сижу с ним рядом, мама его, Евдокия Петровна, дает ему бутерброд с килечкой, и Кок вещает что-то. Я говорю: «Кок, надо же записывать за тобой». Он встает, покачиваясь слева-направо, и отвечает: «Ну ты, давай, записывай, а я пойду пописаю». Он уже не мог говорить иначе, у него всё время в голове гудели рифмы.

\* \* \*

Понимаете, у него трагедия произошла! Он безумно любил Бродского – мало того, что он выпустил его, он его популяризировал по-настоящему. А Бродский тогда отвергал всех, шокировал. Это, видимо, было одно из проявлений пробивающегося сквозь асфальт стебелька. И он Кока сбил. Такой звукописи, как была у Кузьминского, я никогда больше не слышал:

ты не пассия  
ты опаснее  
не пропасть тебе  
не припасть к тебе  
ты как пропасть  
пасть голубой земли  
на моих губах  
ты на миг замри...

Тогда это было для него легко – еще до Асадова, до Евтушенко, это была свежая поэзия совсем. Тогда он был впереди своего времени, поэтического – и вдруг столкнулся с Бродским... Илья, я не видел человека, который так бы любил поэзию других людей. Этому шедевру – Антологии – в мире не будет никогда повторения. Он не составлял антологию, он воспевал всех, кого он открыл. Он любил быть первооткрывателем, столько людей определил в поэты... Когда я читал Коку свои переводы Беккета и видел пот, со лба льющийся, – такого не было больше никогда. Он мог забывать свои стихи и не забывать читать другие. Он действительно был человек, который возвещал. И он первый, кстати, засмеялся над строчками Высоцкого «На полу лежали люди и шкуры» и «протрубили во дворе трубадуры». У него была миссия: приносить великих и возвеличивать малых.

\* \* \*

Он считал, что я – Кафка, а он – Портос. Мне, конечно, было смешно: этот наряд и обряд Махно. И другое было тоже нелепо: он полный был в политике профан, ленинградский поэт (хоть я и не знаю, что это значит). И когда он оказался в Штатах и мне стали присылать газеты из Техаса с его интервью про Политбюро, про советскую власть – я ржал, когда переводил их с листа Евдокии Петровне. Она говорила: «Валера, Вы что?» Вы же знаете Костю, Илья, он газет не читал в жизни, а приехал в Америку и стал экспертом. Я его спрашивал потом: «Кок, как ты можешь Америку поливать, которая тебе всё дала?» А он говорит: «Молот, а я пока телевизор не включу, так и не в Америке». Или когда он радовался 9/11? Он ведь не был больным, как

Бобби Фишер, но эпатаж – это была часть его, его бензин, что я могу сказать... Он эпатировал, как просился: послушайте меня! И ему всегда было что сказать, хотя он абсолютно не выбирал аудиторию.

\* \* \*

У него был принцип – неважно, что читать, важно, что вычитать. В этом был и элемент самолюбования. Но он мог вычитывать чудеса! Это нас сближало, мы как бы выдерживали сердцевину из вещи. В этом плане писать меня научили Беккет и Кок. Беккет сказал: «Пиши как хочешь», а Кок – «Пиши как можешь». Вот и всё.

\* \* \*

Я живу за городом, от нас где-то миль 120 до него. Это было накануне его смерти. Ночь, я приезжаю домой, и Кок мне пишет: «Молоточек, куда ты пропал?» Я ему отписал что-то: так, мол, и так – я тебя не забываю, не волнуйся и т. д. У нас ведь с ним после смерти Нортон Доджа приостановились деловые отношения; я в свое время занимался некоммерческой компанией Кузьминского «Podval Arts and Poetry Galleries Ltd», которую сделал ему году в 1987-88-м, и финансировал ее в основном Нортон. Короче, встаю я часов в восемь и пишу ему большую телегу. Он мне возвращает на целый лист планы литературные. Я отвечаю ему: «Кока, откуда силы берутся, милый? Дай тебе Бог жизни». И где-то в 11:40 звонит Мышка: «Костя умер...» Мы с ним это обсуждали – умереть живым, жить не до конца. И вот теперь, когда начинается археология его архива, получается, что конца и нет...

## **На пути к Голубой Лагуне: письма Константина Кузьминского из Вены (август 1975 – январь 1976)**

### **Публикация Ильи Кукуя**

9 июля 1975 года Константин Кузьминский с женой Эммой и борзой Негой (во избежание проблем с таможей – вывоз борзых был запрещен – выданной «чуть ли не за пуделя» – см. письмо 1) вылетел из Ленинграда в Вену. Кузьминские летели налегке: архив был временно отправлен через голландское посольство в Израиль, записная книжка с адресами – в Рим. Целью Кузьминских, однако, были не Италия и не Израиль, а Франция, куда за год до того Кузьминскому прислал вызов его друг, художник Михаил Шемякин. Однако во Францию Кузьминского не выпустили, и ему пришлось, по его собственным словам, «ставить властям выбор – Биробиджан или Израиль» (см. письмо 3), то есть фактически провоцировать арест или разрешение на выезд. К счастью для себя, Кузьминский вписался в когорту деятелей культуры, от которых власти в 1970-е годы предпочитали избавляться высылкой, и вслед за Бродским, Синявским, Солженицыным и многими другими, чьи имена встречаются на страницах его писем, он покинул пределы СССР. Вернуться в Ленинград ему уже было не суждено.

История последующих месяцев, в течение которых у Кузьминского сложилось уже не покидавшее его более представление о жизни на Западе и конкретизировалось осознание собственной миссии, наглядно разворачивается в его письмах. В своей совокупности они образуют своеобразный эпистолярный роман, отражающий опыт автора в ином жанре, чем другой «вроде бы роман» – таково было авторское определение прозаического коллажного произведения «Hotel zum Тюркен», работу над которым Кузьминский тоже начал в Вене, а закончил уже в своем последнем доме в поселке Лордвилль на границе американских штатов Нью-Йорк и Пенсильвания, проходящей по реке Делавэр. Это был опыт одновременно эйфории и разочарования, прагматичности и наивности, энтузиазма и бессилия. Не будем отнимать у читателя удовольствия от чтения и вдаваться в детали, отметим лишь – благо продолжение всем известно, – что именно в Вене начинается та траектория движения Кузьминского к его *opus magnum*, которая прослеживается во многих исследованиях и материалах настоящего сборника.

В этой переписке поражает прежде всего ее интенсивность, дающая наглядное представление о неистощимой энергии ее адресанта. Мы публикуем далеко не все письма: наш выбор пал на те, что в хронологическом порядке, но не всегда последовательно, раскрывают детали венской эпопеи их автора – с первых официальных и неофициальных контактов по приезде и заканчивая вылетом 5 февраля 1976 года в США, где начинается новая глава его жизни. Почти все письма, за редкими исключениями, публикуются целиком; встречающиеся повторы, как нам кажется, не снижают накала повествования, а позволяют взглянуть на одни и те же события под разным углом, в зависимости от того, к кому обращается Кузьминский и в каком контексте он сообщает об уже известном. Сохранена и неполиткорректность многих инвектив автора в адрес отдельных современников и целых народов, государств и эпох: мы надеемся, что читатель этого сборника отдает себе отчет в эпатажном стиле Кузьминского и не ожидает от него сдержанности и соблюдения приличий.

Почти все письма представляют собой машинописи и сохранились в архиве в виде копий: основным грузом в багаже Кузьминского была пишущая машинка «Ундервуд» 1903 года, и поэт обыкновенно печатал письма в две закладки. (Расходы на копирку и другие канцелярские принадлежности – отдельный микросюжет переписки.) Орфография и пунктуация, за исключением отдельных значимых случаев, приведены к норме. В примечаниях дается необходимый реальный комментарий.

*Илья Кукуй*

## 1. Т. К. Багратиону-Мухранскому 6 августа 1975 года

Отель цум Тюркен,  
Петер Иордан штр., 76,  
1190 Вена 19

Милостивый государь!

Господин Рогойский<sup>21</sup> любезно сообщил мне о Вашем интересе к обитающей в Вене русской борзой<sup>22</sup>. Буду рад сообщить Вам некоторые сведения, касающиеся ее и меня. Борзая родом из Москвы, чистокровная псовая русская. Их было в Москве 64, сейчас осталось, соответственно, 63. В Ленинграде около 40, а всего по России не больше полутора сотен<sup>23</sup>. Родилась 24 апреля <19>74 года, сейчас ей 15 месяцев. 14 поколений золотых и серебряных медалей, родители – золотые медалисты, от рождения числится в элите. Окраска муруго-пегая. В паспорте кличка «Мега», дома зовем по благозвучию и соответствию характера «Негой», «Неженкой». Ленива, нежна, капризна. Очень привязчива, весела.

К сожалению, документы пришлось вывозить отдельно от собаки, и сейчас они еще не получены. Борзых из Советского Союза не выпускают, пришлось выдать чуть ли не за пуделя. К счастью, удалось. В Вене, в первые же дни, умудрилась попасть под машину (воспитывалась в деревне и машин не боится), мы были в ужасе, но ничего страшного не случилось: отлетела как пружина и отделалась порезанным задом. Зашили, сейчас бегаёт как ни в чем не бывало.

Простите, что утомляю Вас, может быть, ненужными подробностями, но она у нас вроде ребенка и очень дорога нам. Во второй половине сентября я надеюсь быть в Америке, там о ней обещали позаботиться господин и госпожа Масси, автор книги «Николай и Александра» и его жена, автор книги обо мне («Живое зеркало. Пять поэтов Ленинграда»), мои близкие друзья. Они живут где-то поблизости от Толстовской фермы, в Ирвингтоне<sup>24</sup>.

Я русский поэт, литератор, 35-ти лет от роду, жена архитектор. Так случилось, что в Советском Союзе круг моих друзей составляли неофициальные художники и поэты моего поколения, а точнее, трех послевоенных поколений, представителем коих (разумеется, неофициальным) я и являюсь как автор и составитель ряда антологий, книг, каталогов выставок и так далее.

---

<sup>21</sup> Доман Рогойский (Doman A. Rogoyski, 1903–1987) – польский дипломат, сотрудник ООН по вопросам беженцев, аналитик Библиотеки Конгресса (США); с 1969 по 1979 год работал в Венском отделении Толстовского фонда, на попечении которого чета Кузьминских находилась с июня 1975 по август 1976 года.

<sup>22</sup> Борзая была подарена Кузьминскому перед отъездом Л. В. Нусберг. Князь Теймураз Константинович Багратион-Мухранский (1912–1992), директор Толстовского фонда, был большим поклонником борзых и имел виды на Негу для развода щенков.

<sup>23</sup> «Всероссийская родословно-племенная книга охотничьих собак» (ВРКОС) за 1973–1975 годы насчитывает 257 борзых, из них 242 русских псовых. На Ленинградскую область приходилось 28 борзых, на Московскую – 80; данных о том, сколько из них русских, опубликованная статистика не предоставляет.

<sup>24</sup> Роберт Килонок Масси (Robert K. Massie, 1929–2019) – американский журналист, историк, автор ряда книг о династии Романовых, в том числе «Nicholas and Alexandra: An Intimate Account of the Last of the Romanovs and the Fall of Imperial Russia» (New York: Atheneum, 1967); Сюзанна Лизелот Масси (Suzanne L. Massie, p. 1931) – американский историк, общественный и политический деятель; автор антологии «The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad» (New York: Doubleday, 1972). Ферма Толстовского фонда находилась по официальному адресу Tolstoy Foundation Center в штате Нью-Йорк: Lake Road, Valley Cottage, NY 10989, USA. Кузьминский с женой и собакой проведут там свои первые месяцы в США с февраля по август 1976 года перед отъездом в Техас; их устройству туда немало поспособствовали супруги Масси, чей дом находился неподалеку.

В Соединенных Штатах намереваюсь заняться преподавательской деятельностью (благо русская литература – дело для меня родное и, можно сказать, кровное) и, возможно, издательской.

Я чрезвычайно благодарен Толстовскому фонду за ту заботу и внимание, которыми меня окружили с первых же дней, и надеюсь быть полезным ему. Моя борзая, в свою очередь, тоже надеется быть полезной.

К сожалению, я знаком с жизнью на Западе чисто умозрительно, в основном по литературе, поэтому прошу прощения за возможные погрешности по части содержания и стиля письма

и остаюсь, искренне благодарный Вам за внимание —  
Константин Кузьминский

Августа 6-ого,  
года от Р.Х. 1975

## 2.. Л. В. Нусбергу <Август?> 1975 года

Льву – барс  
Хроника текущих событий

Перехожу к делу. Итальянские бумаги пока никак не получить<sup>25</sup>. Написал пока во Францию, попросил послать взад. Без них ничего не могу. Израильские тоже не получить. Остальное – <в> порядке. И Мышь<sup>26</sup>, и я, и Неженка целуем вас. Грустно без вас. Не придет Лэ, конфет не привезет. Зайца хочу. С чесноком. Но вообще люблю Натальев<sup>27</sup>. Террористок. Они здесь в моде. Единственное, что. Теперь по порядку. Борзунечка любимая уже сшибла машину. Машина вдребезги, борзунечка отделалась порезанным задом. Страху было на весь отель, но оказалось, всё в порядке. Открыла дверь, вышла на улицу и отправилась искать меня. Она девушка самостоятельная. Мышь ее разбаловала, и она делает что хочет. Меня, правда, слушает. И любит больше. Все от нее в восторге. Заводит нам знакомства, моется специальным собачьим шампунем и носится по парку, ловя ежей. Во второй парк ее не пускаем: там павлины, лебеди, гуси. Уже получено письмо от князя Теймураза Багратиона, ответственного секретаря Толстовского фонда. Он узнал, что в Вене есть борзая. В июне Нью-Йоркский клуб борзых устроил выставку на землях фонда. Ожидается слияние. Толстовцам нечего было выставить, и они скорбели. Теперь мы им уже покажем. Написал князю Теймуразу. Жду ответа. Толстовский фонд гарантирует проживание в Вене или в Риме в течение 2–3 месяцев до получения визы из расчета 45 вшиллингов в день плюс 1500 на одежды плюс непредвиденные расходы (такси в первые дни, врачи, адвокаты, этс.). В дальнейшем обеспечивает работой или пособием в течение двух лет (иногда дольше), хотя сам горит. Гарик Элинсон<sup>28</sup> настойчиво советует мне ИРСИ, но почему, не пишет; Сохнут занимается израильскими евреями, Хиас – американскими<sup>29</sup>, остальные идут или по фонду (интеллигенция творческая, художники,

---

<sup>25</sup> Кузьминский послал записную книжку со всеми западными контактами из СССР в Рим и долго не мог ее получить (см. письмо № 3).

<sup>26</sup> Семейное прозвище Эммы Карловны Подберезкиной, жены Кузьминского. См. интервью с Михаилом Левиным в наст. изд.

<sup>27</sup> Имеются в виду участницы возглавляемой Нусбергом группы «Движение» художницы-кинетистки Галина Битт по прозвищу Заяц и Наталья Прокуратова. Лэ – Лев Нусберг.

<sup>28</sup> Художник Генрих Давыдович Элинсон (1935–2010).

<sup>29</sup> «Хиас», «Сохнут» – международные еврейские агентства, занимающиеся организацией репатриации в Израиль и помощью еврейским эмигрантам.

шизофреники, идолопоклонники), или по ИРСИ – техническая. Это насколько я понимаю. Могу и ошибиться, впрочем, разницы никакой. Хиас дает 50 вшиллингов, но туже с неподвиженными. Австрии эти лавочки остопиздели, танки в Братиславе, мясники швыряются в русских мясом, полицейские вспоминают 45-й год. Однако в газетах серьезно обсуждаются русские проблемы: соцреализм спускает пары, кардинал Кёниг <пишет> о положении русской церкви – это в центральной «Ди Прессе». Но более мелкие проблемы не волнуют. Общался с корреспондентами, понял. Если имя, то чтоб скандальное (для «Курира») или академическое (для «Ди Прессе»<sup>30</sup>). Начинать в Австрии нельзя, но ждать приходится. К Володе М.<sup>31</sup> приехал друг из «Континента», привез гонорар, заодно купил права на книжку. Скелет Володя пока попрдержал. «Континент» здесь (пока) единственная надежда. Но идет борьба внутри него. Сол выступил против Донатыча, Максимов еле отстоял. Еврея Голомштока (секретаря) сменил христианин Терновский – намечающееся сближение с «Русской мыслью»<sup>32</sup>. Стихов, кроме Бродского и Галича, еще не было. Похоже, и не будет – новомировская традиция. Журнал сильный именами, но материалу небогато (на будущее). Расширяется политический восточноевропейский отдел, журнал приобретает окраску. Анонсированные параллельные издания на англ-франц-нем пока в проекте. Вышел только 2-й номер на немецком без стихов. Хотя переводчики есть. Платят авторам отменно (забота Максимова). На перевод нет средств. Журнал, однако, солидный и серьезный. Остальные издания периодичнее и непопулярны, вроде брошюр по кинетизму – для 30-ти человек в мире. На что делать акцент? На себя. Здесь нет проблем общих, ТОЛЬКО ЧАСТНЫЕ. Общие никому не интересны. А частные разрешаются легко. Мне предложили: 1 (одну) лекцию в Йеле, и потом, может быть, турне. Были Сюзанна и Миша<sup>33</sup> (порознь, они полаялись). Сюзанна предложила работать... геологом, а литературой заниматься побочно<sup>34</sup>. «5 поэтов» пошли под нож, она выкупила 500 копий<sup>35</sup>. Миша работает на галереи из 27-ми процентов, но предложил финансировать и оформить издания. Единственная надежда издавать за свой счет. То же говорят и венская профессура. Издавать и продавать. Спрос на русское искусство составляет 0,01 процент, ибо есть еще искусство новозеландское, малайское, японское, голландское, и они попадают на Запад в лучших своих образцах и в неограниченном количестве. Акцент нужно делать на СЕБЯ. Тогда считаются. Был у Глейзера<sup>36</sup>, потом собрал сведения о нем. Общее мнение: спекулянт, наличествует мания величия. 50 работ, которые он показал, *никакого* интереса не вызвали: «Ну и что?» Сидит и ждет, что ему предложат галерею, и он – директором. Впечатление крайне жалкое. Предлагают продать работы. Для него это подобно смерти: новых поступлений не предвидится, а без картинок он – ничто. Потому и говорю: акцент нужно делать на СЕБЯ. Я и без картинок перевожусь сейчас на немецкий, рекомендован в швейцарскую антологию, на Южно-Германское радио<sup>37</sup>, и это результат разговора только с одним профессором, переводчицей Крученыха и Хлебникова<sup>38</sup>. 0 современной литературе представление самое смутное и недоверчивое, также и о живописи. В кафе «Хавелка», где собирается наша братия, на стенках висит меньше картинок, чем у меня,

<sup>30</sup> Австрийские ежедневные газеты *Kurier* и *Die Presse*.

<sup>31</sup> Писатель Владимир Марамзин (Владимир Рафаилович Кацнельсон, 1934–2021).

<sup>32</sup> О конфликте внутри редакции журнала «Континент» в 1975 году см.: *Скарлыгина Е. Ю.* Андрей Синявский и Владимир Максимов: К истории полемики // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 199–217.

<sup>33</sup> Сюзанна Масси и Михаил Шемякин.

<sup>34</sup> В конце 1950-х – начале 1960-х годов Кузьминский, как и многие представители неофициальной литературы его круга, подрабатывал летом в геологических экспедициях.

<sup>35</sup> См. прим. 4.

<sup>36</sup> Александр Давидович Глезер (1934–2016) – коллекционер, издатель, один из организаторов «Бульдозерной выставки» в Москве в 1974 году. В феврале 1975 года был вынужден эмигрировать. В 1976 году на основе своей коллекции открыл под Парижем в Монжероне Музей современного русского искусства в изгнании.

<sup>37</sup> Журнал *Pestsau* и радиостанция SDR, ныне SWR.

<sup>38</sup> Роземари Циглер.

но ТО же качество, и ТЕ же направления. Это так называемая «венская школа»<sup>39</sup> – помесь Петроченкова с Путилиным, Галецкий и Арефьев один к одному. Есть и хорошие работы. Знакомо до ужаса. На выставках, правда, не был, наблюдаю «изнутри». Атмосфера та же, только более рафинированная. Ошалелый А. Г.<sup>40</sup> ничего не советует. Звонил ему, спрашивал. Мямлит, видимо, боится конкуренции. На привет не реагировал. Миша, которому я тебя не называл по вполне понятным причинам: здесь никому доверять НЕЛЬЗЯ (это, разумеется, не касается близких отношений, как у меня с Мишей – свое я ему доверяю), сказал: нужны Тышлер, купит сам, Фонвизин, Свешников, уже не говорю за авангард. Из современных не котируется НИКТО. Пойми, я ничего не имею против Глейзера! Просто тут есть возможность понаблюдать, посуммировать. Миша, тот занят именами, уже имеющими быть, и попыткой создать таковые. А на это потребуется не один год и уйма черного материала – фото и данных. Рекомендую тебе ЧЕРЕЗ НАТАЛЮ<sup>41</sup> связаться с носорогом<sup>42</sup> и МОИМ именем получить фотоматериал по всем художникам: а) слайды выставки 23-х<sup>43</sup> (они у него), б) слайды в Газа, в) допечатать пробники отснятого материала и обработать их. Возможностей использовать всё это *пока* не предвидится, но располагать этим жизненно необходимо. Шемякин отговаривает меня заниматься художниками, а Глейзер просто очень недоволен. Однако слайды нужны мне в первую очередь: в Америке возможны лекции, и без материала – завал. Если сможешь, поделись своими (сохраню и верну, публиковать пока не буду, только как лекционный материал).

Касаемо книжечек 20-х <годов> пока узнать ничего не могу. Миша каталогов не достал, а жать на него я не вправе. С «левыми» формальными кругами пока очень слабый контакт, ВСЁ здесь базируется на знакомствах. Чертков<sup>44</sup> рекомендовал меня профессуре, они уже дальше. Сам Чертков в Вене не преуспел (а ведь с именем!), дали два часа в неделю, и двинул в Париж. Растолстел, облысел; на возможности смотрит скептически (как и все здесь). Полагаю, лучшая программа следующая: утвердить себя как личность (в чем Глейзер не смог) и иметь неограниченный запас информации, без выбора, Лэ, без выбора твоего. Нужна школа Арефьева (Шварц, Васми, Шагин), ибо *школа*. Нужен массивированный удар, а не стрельба именами. Как базис, необходимо иметь стариков (связь, продолжение). Удивить можно только количеством, качество здесь то же и выше. Но работать придется жутко. Первые три года доказывать факт собственного существования, в чем, кстати, поможет материал. Вилли Бруй<sup>45</sup> коммивояжер-ствует с чемоданчиком своих работ, купил уже несколько домов, каковые сдает русским эмигрантам и заставляет еще копать огород. Художники растворяются в общей массе. В Париже их 30 000, в Вене – 3000 (не считая тротуарных и на дому), поэтому русское искусство должно вливаться ИМЕНАМИ, представляющими МАССУ Как я с поэтами. А старых русских поэтов здесь нет. После первой эмиграции не появилось ничего серьезного. Однако книги выходят (напечатать здесь можно всё, включая Джеймса Олдриджа в русском переводе). Вышел Бетаки<sup>46</sup>. Гавно (сужу по тому, что в «Гранях»), Лия Владимировна (тоже гавно), больше никого не смотрел, да наверно, и нету<sup>47</sup>.

<sup>39</sup> Имеется в виду Венская школа фантастического реализма. Автором термина является венский критик Йоханн Мушик. См.: *Muschik J. Die Wiener Schule des Phantastischen Realismus. Gutersloh: Bertelsmann, 1974.*

<sup>40</sup> Александр Глезер.

<sup>41</sup> Наталья Владимировна Лесниченко – секретарша Кузьминского в Ленинграде.

<sup>42</sup> Геннадий Самуилович Приходько (р. 1938) – один из ведущих фотографов неофициальной сцены Ленинграда, автор фотопортретов большинства ее участников; был близок кругу Шемякина и Кузьминского.

<sup>43</sup> Домашняя выставка, состоявшаяся в квартире у Кузьминского в Ленинграде осенью 1974 года.

<sup>44</sup> Леонид Натанович Чертков (1933–2000) – поэт, филолог.

<sup>45</sup> Вильям Петрович Бруй (William Brui, р. 1946) – художник, эмигрировал в 1970 году.

<sup>46</sup> *Бетаки В.* Замыкание времени. Париж: Editeurs Reunis, 1974.

<sup>47</sup> *Бетаки В.* 1) Пляски истории. Сюита для актеров и фигляров с оркестром // Грани. 1974. № 91. С. 3–14; 2) Стихи // Грани. 1974. № 94. С. 141–148; *Владимирова Л.* Стихи // Грани. 1974. № 92–93. С. 117–122.

Без языка, натурально, полный завал. Одна из причин, почему трудно что-нибудь узнать, находясь в Вене. Для жизни знание языка необязательно, в магазинах можно объясниться на пальцах. Публика едет больше смешанная: спекулянты, мясники, парикмахеры. Израильские вопросы не волнуют. Смотрят, как в деревне на блох: ну водятся, ну и что? Все попытки связать русский и еврейский вопросы воедино в Вене терпят крах. А в Израиле их вообще не терпят. Найти нужных людей, чтоб выслушали, никакой возможности. Занимаются чиновники. И никаких поблажек: все на общих основаниях. Горит, не горит человек – то же отношение. Бумаги не получить – никакого волнения. Напишите подробный список и доверенность. Написал, кому. Не удосужились позвонить: ждут, когда сам объявится. Вот и сижу второй месяц с тем же, с чем выехал. Миша приехал, привез десятка два гравюр в подарок, 2000 франков (извинялся: больше пока нет), а это 8000 шиллингов! Миша живет еще по русским меркам. Сюзанна, получив за экранизацию «Николая и Александры»<sup>48</sup> полмиллиона долларов, долго жаловалась, что денег нет, оставила сдачу с 1000 шиллингов. Так что с деньгами у меня в 10 раз лучше, чем у прочих эмигрантов. Хотя женщины дороги: 1500–2000 шиллингов за раз. Это непереносимо. Никаких денег не хватит. Купил афганский кинжал за 250 шиллингов, буду кого-нибудь немножко резать. Сходил на секс-фильм: ебля и без сюжета. Скучно. В Эстонии в тысячу раз более Запад, чем здесь. Единственно жизнь в Вене – для собак. Нежка шляется как королева по всем кафе и ресторанам, осторожно переступает, и предлагают водички (бесплатно). Не пустили только в «Сашу»<sup>49</sup>. Впрочем, меня тоже не пустили, поскольку без галстука. В «Мулен-Руже» пришлось заказывать вино за 500 вшиллингов, поскольку я был в козьей шкуре. Следующий раз приду в халате, только яйцам холодно. А так хожу куда хочу, и никто не вздрагивает. Миша подарил пиджак кожаный парижский черный за 5000 вшиллингов, купил к нему серые брюки за 500, ботинки за 600, белую рубашку за 400 (фонд платит) и ищущую бабочку. Теперь в «Мулен-Руже» и «Казанове» смогу заказывать минеральную воду. Нужна еще зажигалка за 2000, и можно чувствовать себя человеком. Правда, в артистических кафе (слава Богу, профессорша привела) и так себя человеком чувствуешь, без штанов. Купил машину марки «Рено Гардини» за 60 долларов, но ездить не умею. Стоит. Нужны еще права, а с этим туго. Учиться ездить некогда, да и бензин дорог. Такси вздорожали на 20 процентов – сиди и пересчитывай! Деньги за машину еще не отдал, директор отеля Коля, бывший фарцовщик с Галереи<sup>50</sup>, подождет. Он меня и так возит на другой, «Фольксвагене», который ему купила хозяйка, чтобы не плакал. А сейчас хозяйка в Риме, отдала ему свою, ездим на ейной. Но ездить некогда. Пишу роман. Уже три печатных листа, страниц 80, и конца ему не видно. Успех обеспечен, называется «Хотэль цум Тюркен»<sup>51</sup>, купят все эмигранты. Материалу завал. Из кастрюли украли курицу. Одна подруга из Москвы, уезжая в Рим, продала в отеле использованные и обрезанные автобусные билеты по 6 шиллингов. Долго били (морально), обнаружил директор Коля! Роман в стиле «Биробиджана»<sup>52</sup> – высокое и низкое, за вычетом лирической линии. Там у меня герои в холере сливаются в экстазе на унитазах. Сексу больше, чем у Генри Миллера и Набокова: одну подругу трахнул бульдог, другую попользовали на карте Советского Союза в канадском посольстве. Нега фигурирует в каждой главе. Кормят ее виноградом, шерсть прядут и продают в Советский Союз под видом манчестерской пряжи.

---

<sup>48</sup> «Nicholas and Alexandra» (1971, реж. Ф. Шаффнер) – фильм по одноименной книге Р. и С. Масси о последнем русском императоре и его жене.

<sup>49</sup> Фешенебельное кафе при гостинице «Захер» («Sacher»).

<sup>50</sup> Галерея «Гостиницы Двора», в 1960–1980-е годы место подпольной торговли импортными товарами.

<sup>51</sup> Две первые части романа публиковались в парижском альманахе «Мулета» («Мулета-А» и «Мулета-В»); отд. изд.: *Константин К. Кузьминский. Hotel zum Tюркен*. Вроде бы роман: в 2 т. Вена/Техас/Нью-Йорк/Куринохуйск (СПб.): Последний подвал, 1975–1999–2003–2012. Далее текст романа цит. по этому изданию.

<sup>52</sup> Поэма Кузьминского 1974 года. См. [АГЛ 2А, 544–550].

Сегодня пойду к Кире Львовне Вольф, милейшей петербургской старушке, дочке и внучке издателей. Она поит меня чаем и ругает Вену, где она с 1920 года. Правда, жила еще в Берлине и Мюнхене. Вот и все мои знакомства, за вычетом четы профессоров из Риги, матлингвиста из Ленинграда, журналистки Алены из Москвы и корреспондента «Свенске дагбладет» Хоффера. Да, еще Роз-Мари, моя переводчица, и помолвленная парочка молодых венцев, которая сейчас в Греции. И еще чешка Кристина, блядь из ночного бара. Познакомились на улице, говорили по-английски. Год работает в борделе, зарабатывает средства на учебу по специальности химик-фармацевт. Валяется Джойс, не читаю. Купил детективов и секс-боевиков, скучно. Пишу роман.

Американская профессура откликнулась немедля, кто письмом, кто телеграммой, все очень рады, но вакансии заняты. С горя пишу статьи по разным вопросам. Матлингвист Игорь переводит на немецкий язык<sup>53</sup>. Читаем вслух.

Номер в отеле прекрасный, метров 14, и если бы не воровали куриц из кастрюль, жизнь была бы что надо. Поэтому купил плитку, а Миша подарил китайский чайник, увидели в ресторане. Он меня провел по всем кабакам, чтобы я не страдал. На Пратере имели кинетические удовольствия: качели, карусели, американские горы, замки монстров, секс-музеи, кидался мячиками, гонял по треку на гоночных автомобилях, поимел детство за 1500 вшиллингов.

Нега избаловалась как ребенок. Спит сразу на двух койках, ест всякие вкуснятины (но по режиму, по режиму), зад давно зажил, который она об фару (страху мы натерпелись, передать невозможно), непослушна до крайности: на днях, когда я шел на свидание к профессорше, выскочила за мной из отеля и побежала в парк гонять утей и гусей. Ловил ее по парку полчаса. Потом сидела наказанная на полу у раковины и весь следующий день вздыхала. С ней не разговаривали, и она страдала. Беспокойства с ней никакого, единственно нельзя оставлять одну: научилась открывать дверь. Шляется с нами повсюду, ужасно любит детей. *И дети ее*. Чистенькая, ухоженная, моем в ванной собачьим шампунем за 25 вшиллингов на три раза. Специальный корм не покупаем, это всё химия, кормим супами, рисом, кефиром, морковкой, много костей для зубок, но ребрушки держим в форме. Помимо того что гуляем утром и днем в поводке (всё в том же, ей в нем удобно), ночью выпускаем побегать в парк. У нас тут самый аристократический район, рядом два парка, но воздух очень сырой: Вена в низине и ревматикам плохо. У меня жутко болит старый перелом запястья. В Америке нам обещают позаботиться о собаке, начиная с перевозки. Есть знакомые на авиалиниях, к сожалению, не на тех. Но ее встретят. Сюзанна обещала. А там постараюсь попасть под Нью-Йорк, чтобы Нежке было где бегать. Я-то всё равно постараюсь лежать на диване и трудиться умственно, но это как получится.

Выбирайтесь немедля, медлить здесь придется, потому что ритм здесь другой и сразу ничего не делается. Разве что интервью, но от них проку на пять минут, а чтобы каждый день, так не все же Исаичи. // ему-то приходится каждый день придумывать что-нибудь новенькое, так что приготовься к длительной работе в спокойной обстановке. Мы там все живем на нерве, а здесь в первую очередь от нервов лечат. Информации столько, что за ней не нужно гоняться, ее стараются избегать. Главное, что поразительно, что здесь никто не вздрагивает, нет никаких оснований, а чужие проблемы никого не ебут. Это нужно понять заранее и не соваться до времени, просто делать дело. Против дела тут никто не возражает, и информацию ценят. Академически. Проблемы же не переносят. На это мне жалуются американские профессора, придется серьезные вещи преподносить ернически, Куперман<sup>54</sup> уже начал. Но ведь, говоря по-честному, Лэ, нас же не волнует, что в Китае, почему Запад должны волновать рус-

---

<sup>53</sup> Игорь Шур, один из обитателей отеля «Цум Тюркен». См. письмо № 22.

<sup>54</sup> Юрий Леонидович Куперман (Купер, р. 1940) – художник, эмигрировал в 1972 году; автор романа «Московский натюр-морт» (Нью-Йорк, 1975).

ские проблемы? По-человечески это непонятно, но о какой человечности можно говорить в мире наживы и капитала? Вот и вступают в комсомол от собственной неполноценности. Но информацию чтут. Равно и работу. К именам относятся серьезно, но надо их иметь. Как вытаскивать людей, я не представляю. Здесь, в Вене, ничего поделывать невозможно, не говоря о том, что все в Италии, послал туда хозяйку, параллельно написал по твоему адресу<sup>55</sup>. Ни ответа ни привета. Написал крайне вежливо и скупое. Ты же не объяснил, что туда можно писать. Вот и это письмо. Пишу тебе, как ты просишь, подробно, а дойдет ли, и когда? Береги себя, не делай глупостей и торопись. Дико хочу увидеть всех вас, зайцев и рысей и пашек<sup>56</sup>. Уже тоскую. И предпринять ничего не могу пока. И указаний от тебя никаких. Напиши, напиши, напиши! Целуем, целуем, любим, ждем.

Венский зоопарк

### 3. Э. Вейнгер 22 августа – 11 сентября 1975 года

Вена, 22 августа,  
хотель цум Тюркен

Эстер, ты что, на 12 килограмм головы похудела? Я тут сижу, схожу с ума, Сюзанна причалась из Америки проведать, Миша из Парижа, звоню тебе, не отвечают, думаю – на каникулах, а она – «писать разучилась». И добро б стихи. А то – письма. А я тут антисемитские демонстрации закатываю, что евреи мои рукописи замылили<sup>57</sup>, сижу как дурак (дурак и есть), без материалов, двух слов без них связать не могу, даю интервью по памяти – а Эстер и не чешется. Что с тобой случилось? Ну, понимаю, Запад. Ну, растлевающее влияние. Сам как в подушку бьюсь – и никакого эффекта. Ну, там не получил писем, так мне не поздравительные открытки нужны. Пятьдесят человек доверили мне свои рукописи и работы, я уже собрался продать Мишкины гравюры, которые он мне здесь подарил, и идти в Сохнут в ногах валяться, чтоб на недельку в землю обетованную пустили, а как потом обратно? Насильно обрежут, а потом доказывай. И ты, оказывается, всё это время была в Иерусалайме! Ну знаешь, Эстер, на тебя это не похоже. Я там пою ей дифирамбы, можно сказать, единственной женщине, а она... Месяц назад я был в еврейском посольстве, жалел, что у меня нету гранат и автоматов, палестинским террористам после меня делать было бы нечего, я им про русско-еврейскую культуру говорю, людей, говорю, спасать надо, а мне учебник идиша предлагают, или там, чем побери, иврита. Бродский им не еврей, и Шагал тоже, им Каплана подавай, да чтоб конец обрешанный. Тыкался как дурак, рукописи, говорю, там у меня. Да-да, напишите подробный список и кому доверяете найти и получить. Я говорю, 10 килограмм ру-ко-пи-сей – стихов (моих, Кривулина, Ханана, Красовицкого, и т. д., и т. п.), прозы, единственный человек в мире, кроме меня, ленинградских поэтов знает, Эстер Вейнгер, ей и доверяю. И еще микрофильмы, магнитофонные записи. А сколько их, я что, считал? Мне в Москву их пришлось отправлять с человеком, а потом у голландского посольства с ними топтаться, когда не пускали (это вам не Голанские высоты, там семечки), когда у меня 12 кг криминала, и причем не своего, ведь и других повяжут, чорт бы побрал, свои рукописи я в голове вывез, а работу? Да-да, мы пошлем

---

<sup>55</sup> См. письма Николь де Понтшарра (Постниковой) в [ACRC: 6, 6].

<sup>56</sup> Художники-кинетисты Галина Витт, Игорь Захаров-Росс, Павел Бурдуков.

<sup>57</sup> Архив Кузьминского был переправлен из Москвы через голландское посольство дипломатической почтой в Израиль, доверенность на получение была выдана его ленинградской знакомой Эстер Вейнгер (товароведу магазина «Букинист» на Литейном проспекте). Получение архива, затянувшееся на несколько лет, является одним из сквозных сюжетов переписки Кузьминского.

этот список и доверенность в Израиль, там всё найдут. Чорта с два. Неделю назад Коля<sup>58</sup> был в посольстве, ему сказали: передайте Кузьминскому, что его рукописи прибыли, но перемешались с другими, и в них не разобраться, а тебя, как я понимаю, и вообще не искали, хотя адрес на доверенности я дал, и даже, по-моему, телефон. Я в понедельник пойду в эту лавочку, дам доверенность на Юру, на чорта, на дьявола, но всё равно без тебя не разобраться, а там еще микрофильмы и мумие, и малахитики в коробочке (точнее, в кассете). Это здесь ничего не стоит (цацки), но не пропадать же добру.

Но виновата в основном ведь ты, Эстер. Доверенность, надо полагать, на тебя там уже лежит. А как там всё это, процедура эта, делается, я же понятия не имею. Я имею понятие, как стоять перед голландским посольством с чемоданом рукописей и как их собирать, это я умею. А как их добывать у друзей-евреев, это уже другой вопрос. Все эти еврейские вопросы у меня уже поперек горла стоят. Кажется, Израиль пожалеет, что вытащил меня. Я к ним со всей душой, как в России, а они поворачиваются своим тохесом. А я ведь роман пишу. И, должен отметить, неплохой. Нестандартный. А ведь и переведут, а что я напишу – от меня зависит. Смотри, возьму тебя в героини. Там у меня одну героиню бульдог трахнул, другую в канадском посольстве попользовали. А герои – один омерзительнее другого. Написал уже три печатных листа и еще буду.

Не, Эстер, это не серьезно. Ты там своего Гершензона на еврейский переводишь, а чтобы написать, что здесь опубликовано по-русски, не можешь. Где-то издан Веничка Ерофеев, «Москва – Петушки», а где?<sup>59</sup>

Кто еще издан, что там Гробманы<sup>60</sup> чирикают, о какой книжке (издать) ты там говоришь? Ежели о моей, то обойдется. Подождет. Я говорил о еврейской антологии, но ее еще предстоит делать. Часть материалов не готова, в Ленинграде. Кроме того, нужна билингва, с переводом на иврит, возможно ли это? То, что у тебя магазин, уже хорошо. Через годик завалю тебя изданиями, готовь рекламу. И это притом что с русской литературой здесь всё невероятно сложно, никому она не нужна. Надо группироваться вокруг «Континента»: Марамзин будет говорить с Максимовым. Впрочем, будет ли? Надо всё самому. Сам бы и в Израиль поехал, но очень сложно с визами, а в середине сентября надо в Штаты. Там ждут лекции и доклады, пригласили в Йель, а с чем их читать? Знал бы я, что ты там и просто не отвечаешь, начал бы чесаться сам и уже съездил бы. А сейчас уже поздно. Документы не успеть оформить. Второй мой друг тоже постарался: записную книжку послал диппочтой в Рим, на «до востребования» вместо Виньковецкого<sup>61</sup>. И теперь не получить. Виньковецкий, впрочем, тоже на письмо не ответил. Ладно, буду надеяться на себя, но бумаги из этого Богом оставленного Израиля получить нужно. Здесь же это никого не колеблет. Да, послали, но мы ничем помочь не можем... Ну, я это им припомню. Драться придется на четыре фронта – ну, что ж! Всегда готов.

Сейчас посылаю тебе список, в понедельник доверенность на Юрия. Но всё равно нужно в посольство, посмотреть в их израильские глаза, плевать пока погожу. Далее, пришли мне каталог своего магазина, посмотрю, что купить. Деньги у меня уже есть, и еще будут. Миллионером я не стану, но издавать придется за свой счет. Продавать придется тебе. Сейчас меня переводят на немецкий, предложили ряд статей, эссе и передач, а писать приходится вслепую и цитировать по памяти. Переводит меня венская кандидатша, переводчик Крученыха, Мамле-

---

<sup>58</sup> Директор отеля «Цум Тюркен».

<sup>59</sup> Роман Венедикта Ерофеева вышел в третьем номере израильского журнала «Ами» в 1973 году. См. интервью с одним из издателей «Ами» М. Левиным в наст. изд.

<sup>60</sup> Художник и поэт Михаил Яковлевич Гробман (р. 1939) и его жена Ирина Израилевна Врубель-Голубкина (р. 1943) эмигрировали из Москвы в Израиль в 1971 году.

<sup>61</sup> Яков Аронович Виньковецкий (1938–1984) – художник, философ, ученый, активный участник неофициальной художественной и литературной жизни Ленинграда. Эмигрировал в 1975 году в США. См. письмо № 4, а также интервью Л. Межибовского с Д. Боултом и Ю. Горячевой с М. Левиным в наст. изд.

ева и Хлебникова. Но повторяю: мне важнее говорить о других. Они ждут. Им это нужнее. И говорить надобно серьезно. А от тебя, Эстер, я просто не ожидал. На кого же мне было еще надеяться? На тему вызовов: посылаю тебе самые важные. В основном это русские. С ними в израильское посольство не сунешься. Если нужно будет, свяжись с Сашей Воронелем<sup>62</sup>, Марамзин ему меня рекомендовал. Вызовы должны быть железные, и надо продублировать. Необходимые поправки сделают в голландском посольстве. Если можно, вызовы продублировать через то же посольство. И с телеграммой. Нужно будет, сообщи, сколько стоит. Заплачу.

1. Арефьев Александр Дмитриевич, 1931, ул. О. Кошевого 17, кв. 42.

2. Яценко Жанна Дмитриевна, 1932, ул. Ленсовета 62, кв. 65. (Они супруги, но вызовы надо порознь, может, разведутся.)

3. Петров Владимир Александрович, 1942, 197022, Кировский пр. 65, кв. 17.

4. Лавров Вениамин Петрович, 1932; Леонова Светлана Кузьминична, 1939; Леонова Анастасия Вениаминовна, 1968, пр. Космонавтов 21, к. 1, кв. 34, тел.: 643453.

5. Макаренко Владимир Николаевич, 1943; Макаренко Виктория Ивановна, 1951; Таллин, Кийре 8, общежитие. Телеграмму: Таллин, Паэ 52, кв. 4.

6. Захаров Игорь Михайлович, 1945, Л-д, Петродворец, ул. Бр. Горкушенко 7, кв. 79.

Это всё братья-художники, которые уже созрели как огурцы и пора падать. 1, 4, и 5 вызовы не доходят. Всё это мои друзья. Кроме того, им, вероятно, придется подыскивать серьезных еврейских родственников, потому что фамилии зело не еврейские. С остальными я сам разберусь в посольстве.

Эх, Эстер, Эстер!! Неужели ты не понимаешь, что не просто Витины<sup>63</sup> стихи лежат в еврейском МИДе? За последние полтора года у меня капли во рту не было. Занимался только книгами. Одного Глеба<sup>64</sup> мне пришлось прочитать около 3000 стихов, чтобы выбрать 300, а из них – 30. Весь архив Бори Тайгина, архив Дара, а таких, как Глеб, у меня около 50-ти имен. Волохонский, Соснора, Бобышев, Найман, Еремин, Красовицкий... Кое-что упоместилось в книги, остальное – так. Мне пришлось оставить в Советском Союзе всё «молоко», чтобы вывезти «сливки», оставить что-то тысяч 20 страниц. Оставить 500 листов графики (50 художников), 25 работ маслом и вместо этого вывести каталоги, фотографии, данные. Больше 10 кг дипломаты у меня не соглашались брать. Переснять всё не было никакой возможности, переснята только часть. 4 недоделанных книги пришлось бросить: антологию «Юг (Провинциальные стихи)» – Алейников, Драго-мощенко, Лимонов, Ожиганов, Фальк, потому что Борис Фальк сжег свои тексты и восстанавливает по памяти. А это поэт крученых-туфановской школы. Антологию 14 еврейских поэтов Ленинграда (доделывает Эдик Шнейдерман, а он, ты же знаешь, тряпка). Я не говорю за «Образ Кузьминского», тоже пришлось оставить, не первостепенное, хотя меня рисовали 23 первостепенных художника (масло, литографии, графика), работали 3 скульптора (в бронзе, дереве и глине), снимали 7 фотографов, и каких (!), посвящали стихи 11 поэтов, прозу – 3 прозаика, словом, 200 страниц (100 иллюстраций и столько же текста). Так, по мелочам, накопилось за 15-то лет.

Ты должна понять, ЧТО у меня в архиве (израильском), если такие книги я оставил. Не считая архива в Штатах, но то в основном в микрофильмах, и пока мне полезен быть не может.

В Израиле же лежат:

Книга «Лепрозорий-23» (23 прозаика Ленинграда – 350 стр.).

Каталог выставки «53» – свыше 100 фотографий.

---

<sup>62</sup> Воронель Александр Владимирович (р. 1931) – доктор физико-математических наук, писатель, публицист, редактор самиздатского журнала «Евреи в СССР»; эмигрировал в 1974 году.

<sup>63</sup> Поэт Виктор Борисович Кривулин.

<sup>64</sup> Поэт Глеб Яковлевич Горбовский.

Каталог выставки «23» — 100 стр. с фотографиями.

Сборники стихов (титульные листы пришлось выкинуть, на случай повяза), проза, стихи, моя книжка, просто рукописи всех сортов, наметки романа, детские считалки, документы переписки с Союзом писателей и Союзом художников, в общем, напечатано всё это, как ты сама понимаешь, на разных машинках, так что по шрифту не очень-то опознаешь. Один из них – этот, я ее, голубушку, вывез – «Ундервуд» 1903 года, заново отлаженная. Бумага тоже разная. Сверх рукописей, фотографий (и, по-моему, там была еще графика, ну Левитина<sup>65</sup> узнаешь) еще около 20–30 магнитофонных кассет (портативных и не) и коробка с микрофильмами (которые в кассетах, которые в бумаге, там же баночка с мумие и алюминиевый цилиндрок с цацками). Вот, по-моему, и всё. Разобраться можешь только ты, или мне самому придется ехать, а как, не знаю. Австрийцы очень боятся давать какие-либо документы, чтобы, упаси Бог, часом не задержался в этой ебаной Австрии. А мне она и на фиг не нужна. Мне в Штаты нужно в середине сентября, но без архива я не поеду. Если ты не можешь, то позвони хоть по коллекту<sup>66</sup>, я заплачу. Мне звонить нет никакой возможности: телефон в отеле на замке, отсюда никак, а ехать надо или на главпочтамт, или на вокзал. Там я просидел во вторник до часу ночи, твой израильский номер так и не отвечал. И Ленинград не дали. Правильный ли у меня твой номер: 225608?

Эстер, пойми ты, мне пришлось оставить всё, чтобы вывезти что-то небольшое, и это небольшое я теперь не могу получить. Это же чорт знает что. Поневоле озвереешь. И так сладенько улыбаются, когда им говоришь о еврейско-русских проблемах, и все поглядывают: а обрезан ли конец? Это их больше волнует. И еще арабы. В посольство не войти, забаррикадировались.

А каково в России у голландского посольства с полными штанами стоять, имея в чемодане 10 лет, это их не волнует. Не хотят русско-еврейской интеллигенции, пусть им культуру бердичевские парикмахеры делают, а я возьму и умою руки. Не хотят союзника – будут иметь противника. Ибо большего равнодушия с улыбочкой я нигде не встречал, разве что в Советском Союзе, но уже без улыбочки.

В общем, вот такие дела, Эстер. За год я сделал около 20 книг, где они? Сейчас пишу по пять страниц прозы в день. Проза получается крутая и с душком. На два дня сделал передышку, сегодня твое письмо меня из колеи выбило, кроме того, нужно в библиотеку, описание холеры прочитать, решил героев заразить, красиво. Кривулин тут, только что сообщили, месяц лежал в больнице – цынга, еле выкарабкался. Естественно, не работает, а на пенсию не проживешь, хорошо хоть не вяжут. И другим не лучше. Меня-то уже под конец вязали, пришлось играть в дипломатические приемы, давать интервью в «Крисчиен Сайнс Монитор»<sup>67</sup> и ставить властям выбор – Биробиджан<sup>68</sup> или Израиль. Ты спрашиваешь, как Рита? Да ничего, бывала у меня каждую неделю последние полгода, так и не соблазнил – всё было некогда: когда с Натаном, когда без, усталая большей частью. Друзья у нее – кто сидит, кто на высылку, а которых ждет. Досиденты и посиденты. Была у меня с Ревалдом, со священниками и без, но всё молчала<sup>69</sup>.

Был у Часова, по своим делам<sup>70</sup>. Жалуются: никто марок не шлет, уж найду красивых и пошлю. Мил, как всегда. В магазине бардак. После твоего ухода Толик и Женя заняли руко-

---

<sup>65</sup> Левитин Валентин Исаакович (р. 1931) – художник, участник неофициальных квартирных выставок в Ленинграде в 1960-е годы. По словам Кузьминского, «первый гениальный художник, которого я встретил еще в 1962-м» [АГЛ 2Б; 490].

<sup>66</sup> Collect call – звонок за счет того, кому звонят.

<sup>67</sup> *Christian Science Monitor* — американская ежедневная газета.

<sup>68</sup> То есть арест и ссылка в Сибирь.

<sup>69</sup> Филолог и переводчик Маргарита Михайловна Климова (1938–1994), ее знакомый Натан Иосифович Завельский (р. 1940) и математик и правозащитник Револьт Иванович Пименов (1931–1990). См.: *Пименов Р. И.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Панорама, 1996. С. 304–388.

<sup>70</sup> Здесь и далее речь идет о магазине «Букинист» на Литейном проспекте в Ленинграде, где Вейнгер работала товароведом.

водящие посты, даже Кошке стало не вмоготу. Девушка Ли в отделе успела неделю поработать, украла сумочку в «Сайгоне», выгнали. В июне прихожу, Часов, как Фигаро – ив отделе, и на приемке, всех баб на пленэр отпустил, один крутится. И вообще, магазин похерился. Денег занять не у кого, одни Толики сидят, английскую книжку, сука, с четырех сторон обнюхивал: не крамольная ли? Да детектив, говорю, Аль-Капоне. Так и не взял, гад. Валентина с Натальюшкой такие же, но в магазине неуютно. Пчелинцев, выродок, всё женится, и как ни встретишь – работу ищет. Это у него хобби такое. И говорить-то с ним не о чем.

Страшно в Петербурге. Поэты все пьют. Чайник<sup>71</sup> в сумасшедший дом угодил: порезал вены и поджег мебель. Выпустили, на следующий же день кошелек украл. Но стихи прекрасные. У всех. Созрели, выродки, на мою голову. А теперь и стихи не получить...

Вена. 11 сентября

Пансион мадам Кортус

Вдарившись мордой об широкую грудь прародины, я не устоял. Неделю пил, потом влюбился. Влюбившая меня метиска свалила в Рим со своими сомнительными кровьями, а я обратно сел за роман.

А вышло вот что. Долго сомневался, писать ли тебе вообще, поскольку, как я поимел случай убедиться, ГБ не одиноко в своей любознательности, но потом плюнул. Объяснить-то надо, а переписывать первую часть письма согласно требованиям военной цензуры я не в состоянии. Ты за мои высказывания не отвечаешь, а за себя я отвечаю. Так отвечаю, что одним государством меньше будет.

Как явствует из заявления, они перерыли всё до строчки, и помимо текстов, которые, ежу ясно, принадлежат не одному автору, я лишь редактировал сборники, но как ты понимаешь, никого за... не тянул, они надыбали переписку с Союзом писателей по поводу издания коллективного сборника<sup>72</sup>. Охапкин (говорил ли я тебе?) входил в редколлегию, но по зрелом размышлении «вовремя» вышел. Я пообещал набить ему морду, остались мы с Кривулиным, Пазухиным, Борей Ивановым и Ю. Вознесенской расхлебывать эту кашу. Олег же пошел на поклон к Холопову<sup>73</sup> и написал мне весьма идиотское письмо с требованием ничего его на Западе не публиковать (а антология там уже полтора года лежит). Натурально, я взял это письмо вместе с архивом, дабы показать Олеговым западным благодетелям, Сюзанне в частности, что он за человек.

28-го я сам явился в израильское посольство справиться насчет материалов. Меня вежливо продержали полтора часа в пустой приемной, после чего предъявили это письмо. Я взорвался, наговорил им массу приятных вещей, но они же дипломаты, бровью не повели, а вот я запилил.

После чего я позвонил Мишке, пожаловался ему, он вычислил Володю Максимова, и тот известил Агурского. А я лег в прострации на диване и начал пространно объяснять, что и с кем я сделаю. Прибавилось и еще: меня выгнали из еврейского отеля и перевели в русский. Набезобразничали мои еврейские друзья, написали дурацкие стихи на кухне, редкостно безграмотные. Обвинили, натурально, в этом русского поэта. Скандал разгорелся из-за куриных костей для еврейского пинчера и русской борзой. Победили хозяева пинчера, поскольку я отродясь на кухне не был. Русско-еврейские проблемы обретают здесь обратную окраску. Достается на этот раз русским. А каким, неважно. В результате я ничего не сделал, лежу теперь у мадам Кортус, хорошо, тут кухни и вообще нет, четыре дня уже, но никого не видел, правда, и телефона нет,

---

<sup>71</sup> Поэт Петр Николаевич Чейгин (р. 1948).

<sup>72</sup> Антология «Лепта». См. [АГЛ 5Б: 275–326].

<sup>73</sup> Георгий Константинович Холопов (1914–1990) – главный редактор журнала «Звезда», на момент составления «Лепты» – первый секретарь правления Ленинградского отделения Союза писателей СССР.

и мне теперь вся Европа и Америка не могут дозвониться. Телефон в комнате двух подруг, они никого не зовут. Пишу уже третью часть романа. Перевалило за 4 печатных листа, роман приобретает ярко анти... окраску.

С Россией меня блокировали наглухо. Ни одно письмо ни в одну сторону еще не дошло. Телефон они не глушат, поскольку сами слушают (правда, и письма ведь тоже читают), теперь <он> для меня недостижим. Документов никаких получить я не могу, поскольку вместе с архивом у меня зажали и всякие свидетельства о рождении (но их я отправлял отдельно – официально, и поэтому не вздрагиваю). А меня приглашают: в Швейцарию, в Боден (несколько лекций), в Париж, в Гренобль (по вопросам публикации), и мне еще надо в Рим, где моя любовь. Оплачивают дороги и прочее. То же и в Штатах. Приглашен для разовых лекций в Йель, Вашингтон, Мичиган, а пока сижу на 45 вшиллинг в день и еще швыряют меня из пансиона в пансион. Пансионизм мне претит во всех видах, это во мне испанская кровь говорит.

В общем, Эстер, впечатление такое, что они боятся моего архива (мало ли...) и пока не боятся меня. А зря. Следовало бы наоборот. Я ведь им ничем не обязан, поскольку приглашение у меня было во Францию, и через Израиль я ехал не по доброй воле. Можно, в конце концов, драться и на четыре фронта – мне не привыкать. Не люблю только разочаровываться в союзниках.

<...> Приезжающая из России интеллигенция задрочена еще у себя на Родине, и здесь никто не рискует вступить (даже против выселения). Все эти лавочки, которые ими заводят, – авторитет для них. Слава Богу, что я попал к толстовцам, а то одним учреждением в Вене стало бы меньше. Злой я как чорт. «Так, – я говорю в посольстве, – вы со своими?» – «Что вы, – говорят, – приезжайте в Израиль, у нас там аллея благородных гоев есть, деревья посажены». – «Ага, – говорю, – а на них вы дубинки выращиваете, и в Советский Союз поставляете!» – «Что вы, что вы», – говорят. Суки.

Вот такие дела, Эстерка.

Письмо пошлю тебе сверхпочтой, а дойдет ли? Я этому... уже ни на грош не доверяю.

Скушно, тошно, от романа обалдел. 1-я часть – политика, 2-я – секс, 3-я начинается с наговоров и потом идет черт-те что, а 4-ю напишу в Штатах на смеси беш-де-мера и пиджин инглиш, придется попрактиковаться. После Стерна таких романов еще не было. Работы, правда, еще невпроворот. Переписываю и пишу. Конфликтую с Розановым, Бердяевым, херю всю литературу 30-х.

Единственная радость.

А бабы здесь еще гнуснее, чем в Союзе. Отчего я и бросаюсь на всех приезжих. Это у меня ностальгия.

Письмо это включу в роман. Без купюр. Это у меня стиль такой в третьей части появился. Опять же, всё равно после смерти напечатают, так не оставлять же Толикам Найманам.

Пойду приму ванну.

Если письмо дойдет, не медля ни секунды отвечай. А то моя мизантропия дойдет до последних пределов.

Эстерка, никто, кроме меня, не представляет, что я уже сделал и уже делаю. И ты не представляешь.

Целую тебя (если будет на то дозволение – подожди, посмотрю, как там у тебя в письме кончается? Ага, целуешь, значит, и мне можно).

Целую тебя и жду.

Конст.

#### 4. Я. А. Виньковецкому Август 1975 года

Вена,  
хотель цум Тюркен

Яшенька,

спрашивается: ну зачем мне Италия? В Остии грязно, в Риме дорого. И едут всё в ту же Америку. Так не один ли Лувр? В Вене тихо, в Вене живут профессора, переводящие меня на немецкий, а зачем мне на итальянский? Немецкий – это Австрия, Германия, Швейцария. А потом на английский. И если эти коммунистические макаронники не будут знать о моем существовании – переживу. Бросать же собаку или платить за нее – да я скорее жену брошу, их здесь можно найти, а вот чистокровную русскую псовую борзую муруго-пегой окраски – фиг. Да она меня еще кормить будет! Ей же цены нет! Их всего было штук 150 в России, а сейчас осталось 149. И еще, к сведению. Получено письмо от князя Теймураза Багратиона, эксклюзив-секретаря Толстовского фонда. Он прослышал, что в Вене есть борзая и почему-то Марамзина (нас еще долго будут путать). А у них ожидается слияние с Нью-Йоркским клубом борзых, в июне на землях фонда была выставка, очень интересовался. А ты – расстаться!

В Израиль я, упаси Бог, не собираюсь, разве что устроить там погром и отнять мои рукописи, которые они до сих пор не могут опознать. Просят список, а у меня их там ровно 10 кг, и еще магнитофонные пленки и микрофильмы. Эстер соизволила отозваться только вчера (как и ты, впрочем).

Еду я в Америку в середине сентября, там буду побираться по университетам. У них это называется турнэ, или выездные лекции, платят. Касаемо изданий всё понял. Тоже самиздат, только за свой счет, и бумагу не уворуешь. Машинистки здесь требуют денег, натурой не довольствуются – свои сложности. Секретаршу вывезти не удалось, нужен обрезанный муж, а они дороги и редки. Нет ли кого на примете? Секретаршу<sup>74</sup> люблю, ой как нужно вывезти! И еще кой-кого надо, но это я через Эстер: фамилии-то всё русские. Сегодня не пошел в израильское посольство, уж очень противно. Они так вместо союзников солидную оппозицию интеллигентов поймеют. Правда, имели они интеллигенцию, к тому же русско-еврейскую: им нужны парикмахеры и фарцовщики на приплод. Называется это «создавать нацию». Ну пусть попробуют. Все приличные люди ассимилируются, разве уж расовая проблема, а тут и тебя, и Осю за русских считают, со мной же вообще говорить не хотят. Я их понимаю, только вот они положение в России не секут. Тыкнулся туда, сюда, отовсюду послали, сию дома, пишу антисемитский роман.

С Максимовым просил связаться Марамзина, передал ему список книг, исделанных мною, не знаю, говорили ли. Сам не суюсь: было неприятно оказаться и здесь «непечатающимся». Напечататься-то несложно, Миша поможет денюжкой и рисунками, а вот создавать всему этому имя и паблисити – это уже другой вопрос. Начинать, как я понял из разговора с профессурой, следует с себя. А на мне висит имен 50, не считая художников. Поэтому пишу статьи, прозу (пробую, учусь), займусь лекциями (если отдадут материалы), буду пробивать. Идеальный вариант был бы через «Континент», но Максимова не знаю, а Донатыч, к которому у меня рекомендация, на второе письмо не ответил, не знаю, и первое дошло ли, да и сам, слышал, выжат из «Континента»<sup>75</sup>. Сам Максиму пока писать не рискую.

---

<sup>74</sup> Н. В. Лесниченко.

<sup>75</sup> А. Д. Синявский прекратил сотрудничество с журналом В. Е. Максимова «Континент» в июле 1975 года.

Всё у меня в порядке, Яшенька, Миша помог денежкой, Сюзанна тоже навестила, будет говорить в Америке, профессора все отозвались, предлагают отдельные лекции, народу там нашего много, предстоит серьезная работа. Будем искать деньги для изданий, иллюстрировать русскими же художниками (надо бы имена, кто и где тут есть?), может, пойдет. На восторги не рассчитываю, важнее возможность фиксации.

Целуем тебя и Дину и мелких, пиши о художниках.

## 5. Р. и Л. Джексонам 25 августа 1975 года

Вена, 25 августа,  
хотель цум Тюркен

Дорогие Роберт и Лесли!

Пишу вам, как было прошено, по-русски, хотя этот язык мне и следует забывать. Возлегаю в Вене в халате алого сукна с зелеными отворотами (Преображенский полк навыворот, вам ли этот халат не помнить), в ногах борзая, курю египетские пахитоски и сочиняю роман. Русский писатель за границей. В эмиграции я себя не считаю, это просто творческая командировка на всю оставшуюся жизнь, для ознакомления с западной культурой и для ознакомления таковой с культурой русской. Не оставлять же право на русскую культуру за Союзом писателей в нерушимом союзе с Союзом же художников! Нас и помимо этих организаций много, и ей-ей, не хуже. Просто живем мы хуже, но пишем зато, в противовес, гораздо лучше. Как я уже говорил, искусство создается не «благодаря», а «вопреки», за что меня и называли в России идеологом «вопрекизма». И вот, вопреки ожидаемому Биробиджану, оказался я здесь, на этом Диком Западе. Должен сказать, что разочарования не наступило: я и не был очарован. Запад как Запад, бордели, ночные клубы, стриптиз, который понижает потенцию – отсюда проблема рождаемости, Швеция и 10 000 сибирских мужиков. Но главное – водопад культуры, рынок, которому спроса нет. Здесь есть всё – и никому это не нужно. Как сказал один бизнесмен, хозяин американского супермаркета, увидев Дом Ленинградской Торговли (ДЛТ): – Мне бы таких покупателей! – Всё понятно: у нас Асадова не достать, такое дерьмо, как Евтушенко, котируется, а здесь и Фрост не по вкусу, Аполлинер устарел, рынок, рынок, рынок. Поэтому я не обольщаюсь – влиться бы сюда хоть тоненькой струйкой, объяснить, что в России *тоже* искусство есть и что оно немножко чище, хотя и меньше его: в Вене 3000 официально зарегистрированных художников, не считая тротуарных и на дому, а в Ленинграде, дай Бог, тысяча, включая союзных. Но речь идет о том, что в Ленинграде (Санкт-Петербурге тож) тоже есть культура и что она не ниже. Был тут в двух артистических кафе, вроде нашего «Сайгона». На стенках висит то же, что у меня дома, хоть по именам называй. И это не приоритет Запада, а параллельное развитие двух культур, просто корни-то ведь у них одни! Так что влиться в эту систему нетрудно, просто – заметят ли? Поэтому активно перехожу на прозу, работаю каждый день (по 5 страниц) и пытаюсь создать нечто <вроде> конгломерат<а> культур, разделенных бытом. Проза идет ядреная, в мат-перемат, и даже Западу, боюсь, это будет несколько не по зубам. На далекое будущее у меня есть идея книги о скоморохах (это когда я уже сам писать не смогу), соседство высокого и низкого, трагическое через комическое. Ерничество и фиглярство, возведенные на эшафот, – вот система моего письма. Она не нова: Рабле, де Костер, Гашек, но более всего – этакий российский Стерн, которого и поняли-то у нас только сейчас. Веничка Ерофеев, самый гениальный прозаик новой (послевоенной) России, отмечает свое родство со Стерном, а уж для меня это Бог. Стерн, переосмысленный через Беккета и Джойса, через новый французский роман (читаем, читаем их в России по-прежнему!), но как основа мироощущения – Стерн и Достоевский (не правда ли, лихой коктейль?), так и пишем.

И смешны мне канонические рамки продолжателей девятнадцатого века, который и вообще-то не существовал, а насквозь выдуман, только четные – трансформация осмнадцатого в двадцатый, минуя манную кашку девятнадцатого. Вспомним русский авангард и его роль для Запада – одно имя Кандинского чего стоит, а в литературе есть Хлебников и Крученых, и после этого питаться мертворожденным акмеизмом? На безрыбьи и рак рыба, на бесптичьии и жопа соловей. Вот и кормимся полегоньку академической культурой Ахматовых, которая даже соцреалистов-то не очень отвращала: доступно, по крайней мере. Интересно, как был воспринят Стерн современниками? Правда, Англия – страна парадоксов, им не привыкать, а вот в России он был воспринят поистине парадоксально. Чего стоят одни «Письма путешественника из Лозанны» Карамзина? «Стерн несравненный! Сколь тонко ты чувствуешь!»<sup>76</sup> А «тонко-чувствующий» Стерн протянул руку и «схватил горнишную за...» муде Карамзина, оказавшиеся поодаль. Не можно понимать литературу серьезно. Она перестает быть литературой и становится «объектом изучения». За что и люблю футуристов. Умницы они. Серьезнее всех всегда были шуты, и лишь они говорили правду. Вспомните шута Балакирева. Так и пишу: в духе «Русских заветных сказок», после прочтения которых даже моя жена не очень стала возражать против моего стиля. Нагромождаю события, поворачиваю сюжет, как хочу, написал уже страниц 80 концентрированной прозы, сижу и сам перепечатаваю – с машинистками здесь туго, секретаршу пришлось оставить, а теперь надо выцарапывать из Союза, а как? Еврейские женихи нынче дороги, а на западных студентов рассчитывать не приходится. Секретарша же очень нужна. Может, на худой конец, работать корректором и меня заодно прокормит. И вот думаю: как ее вытаскивать? Илья<sup>77</sup> убоился жениться, разрешение он еще не получил, словом, грустно.

В Петербурге продолжают баталии, я оставил хорошее наследство. Сборник «32-х»<sup>78</sup> получил положительную рецензию, интересно, что они (власти) будут делать дальше. Художникам разрешена выставка 10-го сентября, сроком на 10 дней<sup>79</sup>, боюсь, что опять будет много гавна, сами они не способны разобраться, что есть хорошо. В общем, жизнь идет и без меня. Меня блокировали наглухо: ни одно из моих писем не дошло, да и с телефоном туго. Я звонить не могу: дорого и приходится ездить на почтамт или на вокзал, телефон в отеле «односторонний», то есть попросту на замке, вот и жду, когда позвонят.

В Штатах буду, вероятно, во второй половине сентября. Некоторые сложности с финансами, в частности с оплатой проезда собаки, будут разрешены моими друзьями. Борзунечка моя очаровывает всех и вся, таких собак в Европе не много видели. До сих пор не знаю, где меня пристроят в Штатах: нужно думать и о ней. Чтоб было где бегать. Но всё это выяснится уже в Нью-Йорке. Сюзанна Масси обещала встретить и заодно позаботиться о собаке. А там видно будет.

В Вене мне прекрасно: лежу и пишу, Толстовский фонд кормит, да и друзья не забывают. Встретился с венской профессурой, начали переводить на немецкий, предлагают в швейцарскую антологию и на Южно-Германское радио. Что-нибудь вроде эссе, статей с цитатами. Но вот с цитатами сложно. Пока располагаю только собственной головой (и это неплохо), материалы же, отправленные в Израиль, получить крайне сложно, хоть самому поезжай. Они там и не думают о нас совершенно: выехал – и радуйся, бюрократическая система хуже, чем в Советском государстве, – тоже тоталитарный режим. А без материалов я ноль. Одна голова, да и та усталая.

---

<sup>76</sup> «Стерн несравненный! В каком ученом университете научился ты столь нежно чувствовать?..» (Карамзин Н. М. <О Стерне> // Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 117).

<sup>77</sup> И. Д. Левин, предполагавшийся в фиктивные мужа Н. В. Лесниченко.

<sup>78</sup> Антология «Лепта».

<sup>79</sup> Выставка проходила с 10 по 20 сентября 1975 года в ДК «Невский».

Здесь, в Вене, я встретил свою приятельницу, русистку, специалистку по Блоку и символистам, работала по театру<sup>80</sup> – есть ли у нее какие-нибудь перспективы в Штатах? Это девушка из круга Кривулина и Тартуского университета. Будет заниматься новыми, а преподавать можно и стариков. Отпишите мне, пожалуйста, есть ли какие-нибудь перспективы для академического литературоведа? В отношении меня особ случай, вариант с Бродским, но без имени. Я больше рассчитываю на архитектурную специальность жены, а не работать – не всё ли равно где? За приглашение прочитать лекцию<sup>81</sup> я Вам очень благодарен, сделаю с удовольствием, но в отношении других университетов не знаю, как организовать. А так я как пионер – всегда готов. Говорить за российскую изящную словесность для меня не проблема, а удовольствие. И привычка. Касаемо же политики, то она мне еще в Союзе осточертела, здесь есть другой враг, и притом более существенный – академизм. С ним-то я и буду бороться, а не с Советской властью. Хай ей трясца в поясницу, сама сгниет. Да еще других отравит: в Италии, говорят, уже куда ни плюнешь – в Ленина попадешь. Так им, макаронникам, и надо. И французам тож. Меня же интересуют материалы, материалы и материалы. По русской словесности XX, XVIII и XVII веков. Чтобы сделать некоторое изучение. Мне нужны университетские библиотеки, мой архив и моя секретарша. С последней, как я полагаю, будет особенно туго. А современных поэтов мы и так издадим. Миша Шемякин предложил финансировать и оформить. А я еще «Биробиджана» не получил, чтоб в «Континент» предложить, Марамзин меня, надеюсь, порекомендует Максимову. В «Континенте» тоже не всё обстоит гладко: Синявского убрали, Голомштока, кажется, Терновский заменил, стихов еще не печатали (Галич и Бродский не в счет), ставка должна быть на Россию, на дважды по четырнадцать имен одного только Ленинграда<sup>82</sup>, но с «Континентом» связаться трудно, в Париж мне не выбраться, а без личного контакта ничего не пройдет. Ищу сейчас ходы и выходы на Россию, необходима постоянная связь, перспективы там в искусстве огромные, надо дать им возможность. Кривулин поэт повыше меня, я не говорю уже за стариков. Нужна четкая и объективная информация о положении дел в России, Запад же полностью дезинформирован: имена проницают случайные, разрозненно, даже малайское искусство в более выгодном положении. А для этого нужно работать, работать и работать. Издавать-то мы сможем, но нужна критика, пресса и своя литературоведческая школа. Поэтому я и беспокоюсь о Полине, этой москвичке-филологине, да еще о Мейлахе, и о прочих. Нужно продолжить начатое Романом Якобсоном и Бурлюком, потому что сейчас нет разрыва между литературной эмиграцией и литературой России. Нужна консолидация сил на Западе, хотя это дьявольски трудно. Сол поставил себя в исключительную позицию, Бродский на всех плюет, московская группа (Лимонов, Мамлеев, Бахчанян) ищет мифических издателей, между собой никто не контактит, словом, трудно. «Континент» явно идет на сближение с «Русской мыслью», ничего хорошего от этого симбиоза двух культур, разделенных чуть ли не столетием, получиться не может. В общем, здесь беспокойства не меньше, чем в России, только оно спокойнее. Пока занимаюсь саморекламой. Это на Западе едят. С остальным же сложнее.

Роберт, если Вас не затруднит, прикиньте возможный списочек университетов, куда можно ткнуться с единоразовыми лекциями, я-то сам ничего не знаю, и куда сможете, порекомендуйте. Ваша рекомендация достаточно солидна, а что я могу – Вы знаете. Поэзия, проза, художники – в убывающем порядке, в каждом случае имен от 20-ти до 50-ти, с материалом (если выскребу из Израиля).

---

<sup>80</sup> Полина Климовецкая, которой посвящена 4-я часть романа «Hotel zum Тюркен».

<sup>81</sup> Роберт Льюис Джексон (Robert Louis Jackson) в то время – профессор славянских литератур и языков Йельского университета.

<sup>82</sup> Кузьминский намекает на два тома своей антологии «Живое зеркало», каждый из которых включал произведения 14 поэтов Ленинграда старшего и младшего поколения.

Словом, будьте мне, по возможности, папой. Я не Белинков<sup>83</sup>, я так скоро не умру, мне еще прозу работать предстоит, да и другими заниматься, а характер у меня покладистый. Лекции же я могу читать по наитию, даже без материалов, и на самые разные темы. Тему можно заявлять, а я уже читать буду. Приходилось мне много читать по русскому изобразительному и прикладному <искусству> XVIII века, в бытность мою экскурсоводом, так что и это можно. Так сказать, Европа в России. Карл Росси и присные. Словом, я готов на всё.

Остаюсь искренне Ваш уездный поэт (от слова уезжать), Константин Кузьминский  
Целую руки Лесли. Мышь и собака кланяются.

## **б. в. а. Бахчаняну** **26 августа 1975 года**

Вена, августа 26-ого,  
хотэль цум Тюркен,  
по следам Бахчаняна

Милый Вагрич и Вагричева жена!

Сим смею напомнить о своем существовании, а также о несуществовании заявленного портрета, я – пятый пиит<sup>84</sup> Санкт-Петербурга, Константин Константинович Кузьминский. Вагрич, я и в России много слышал о вашем нью-йоркском существовании, об успехах жены<sup>85</sup>, о Мамлееве и о Лимоне. Такжеды и о Худякове от Жарких. Но больше всего я был рад слышать о тебе. Потому что из всего окружения Лёна я люблю немногих. А многих не знаю. С тобой у нас тогда был толковый разговор, и я неоднократно тебя вспоминал. Но в Москву я категорический не-ездец. Не люблю. Люди там какие-то категорически озабоченные собственной гениальностью, и я был рад, что Мишка Шемякин меня тогда увез. Жалко только, что не повидались еще. А сейчас он меня, можно сказать, вывез. Я целый год героически сражался за Францию, в результате чего оказался в Вене. Не один ли чорт? Примчалась Сюзанна Масси, покудахтала, пообещала позаботиться обо мне, об жене и об моей борзой, и борзо умчалась по Европам. Прилетел Мишка, за три дня ознакомил меня со всеми венскими прелестями (за всю жизнь в стольких кабаках не был) и уехал в Париж готовиться к совместной работе. Так что я был встречен прекрасно, немножко обеспечен (по крайней мере, на жизнь в Вене) и смотрю с изумлением в будущее. В Штатах придется начинать с нуля, так я и так ноль (в европейском понимании). Гениальностью своей не лыщусь, что же касается знаний, то их достаточно. Согласен быть поэтом с борзой при Толстовском фонде. Сам князь Теймураз ею интересовался. В остальном туманно. Вывез я с полдюжины антологий и каталогов, да еще бумаг килограммов 10, но всё это в благословенном Израиле, откуда никак не получить. А пока только одна голова. И та сгодится. Но говорить можно только за себя, жаль. В Вене меня переводят, я застрял здесь из-за собаки, еще с 9 июля, но твой адрес только вчера дал пан Рогойскш, просил присовокупить приветы, к тебе он, кажется, питает особую симпатию, как, впрочем, и я. Меня интересует, взаимна ли она (то, что ты помнишь, я не сомневаюсь, не такой я человек, чтобы меня забыть, правда, я страдаю комплексом неполноценности). Меня интересует, как вы там устроились, связаны ли между собой. Мы тут с Володей Марамзиным обсуждали проблемы третьей эми-

---

<sup>83</sup> Аркадий Викторович Белинков (1921–1970) – писатель, публицист, провел 12 лет в сталинских лагерях. В 1968 году стал невозвращенцем, в США преподавал в университетах Йеля и Индианы; скоропостижно скончался от сердечного удара.

<sup>84</sup> Аллюзия на книгу С. Масси «The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad» (1972), в которой Кузьминский был пятым поэтом.

<sup>85</sup> «Обо мне полетели-поползли слухи об успехе потому, что я сразу смогла воленс-ноленс начать зарабатывать необходимые для существования деньги, и одно это казалось чудом в 1975 году» (мейл Ирины Бахчанян (Савиновой) Томашу Гланцу, 6 апреля 2021 года).

грации и нашли, что она лучше второй и не хуже первой. Кроме того, мы не оторваны (идейно) от тех, кто там. Поэтому надо воссоединяться. «Континент» был бы хорошей базой, если бы там прекратилась грызня. И чтобы уже бугай Исаич перестал стоять на рогах. Или бы обратил рога не в ту сторону. Нам же надобно контактировать, како морально, так и творчески. Пишу сейчас роман-коллаж (не знаю, что это такое? но наверно) и прочу тебя в оформители. Сделал уже три печатных листа концентрированной прозы, работы еще приблизительно на полгода (понимаешь, я тут на досуге, в марте 74-го бросил пить – дошел, и ударился в работу: около 20 книг за истекший год!), а не вижу, кроме тебя, никого, кто мог бы. От высокого до низкого, где-то близко к моему учителю Веничке Ерофееву, но на звуковой основе. Этаким стернианский антироман. Тебя же люблю за юмор и трагизм. Самые серьезные вещи говорили шуты. Этим ты мне и близок. Если помнишь читанную мною «Вавилонскую башню» – это вариант романа, но поэтический. В прозе же можно спуститься еще ниже. Что и делаю. Мрак и процветание. Ассорти. Всегда называл себя эклектиком, но по образу Баженова и Гауди. Который знает всё. Словом, вопрос только в твоём интересе. Думаю, задумаемся. Сделаем. В Штатах я буду где-то после 15-го сентября. И там извещу. Воссоединимся. Рад, что и за кордоном есть хорошие люди.

Остаюсь искренне твой – Кузьминский

## 7. М. М. Шемякину 27 августа 1975 года

Вена, августа 27-аго,  
хотэль цум Тюркен

Мишенька (и уже, как полагаю, Ривчик и Досенька<sup>86</sup>)!

Соскучился по вам всем зверски, хочу пить чай и говорить про искусство. Очень люблю пить у вас чай, хотя Ривчик не умеет его заваривать. Долго еще в Петербурге вспоминал, как приходил к вам ночью, Мишка рисовал кувшины, Пиндыр<sup>87</sup> делал задник, Ривчик красила гравюры, а Доська трудилась над самураями. Более живого воплощения художеств не видел и не представляю. При этом безобразничали собаки и кошки. Вспоминаю не съемки, не пьянки, а именно эти тихие вечера. Хотя и пьянки были ничего. Это всё предстоит осветить мне впоследствии, если научусь писать прозу. Было хорошо, и я верю, что еще будет, раз уж мы здесь. А где мы воссоединимся – в Париже или в Америке, – не играет значения. Мы не эмигранты, а командированные<sup>88</sup>. И еще поработаем. Беда в том, что мы уже созрели и не можно развиваться заново. Это я к тому, что воссоединились мы уже на зрелом этапе. // твоя поэтика может не вполне соответствовать моей, но исходя из общих корней, из возвращения к таковым, не вижу, почему бы им не соответствовать друг другу. Твои петровские гравюры вполне ассоциируются с моей «Русско-турецкой кампанией»<sup>89</sup>. Не нужно даже механистического присоединения, нужно просто искать адекватности, пусть не полные, но сопоставимые. Ты подкинул идею написать тексты к трем альбомам. Так они уже есть – «Три поэмы герметизма»<sup>90</sup>, причем каждая из них соответствует не смыслово, а по степени сложности обобщений. Они идут по восходящей, как и у тебя. Система же герметизма – это, в моем понимании, система знако-

---

<sup>86</sup> Жена Шемякина Ребекка Модлен и дочь Доротея.

<sup>87</sup> Художник Юрий Иванов.

<sup>88</sup> Вариант знаменитой фразы Н. Н. Берберовой, иногда ошибочно приписываемой З. Н. Гиппиус или Д. С. Мережковскому: «Я не в изгнанье, я в посланье» (1927).

<sup>89</sup> Часть монтажной поэмы Кузьминского «Вавилонская башня» (1967–1972). См. [АГЛ 2А: 527].

<sup>90</sup> Кузьминский К. К. Три поэмы герметизма (1969–1973+). URL: [https://kkk-bluelagoon.ru/pdf/KKK\\_3\\_poems\\_of\\_hermetism.pdf](https://kkk-bluelagoon.ru/pdf/KKK_3_poems_of_hermetism.pdf) (дата обращения: 19.08.2021).

вого письма. Я думаю, лучше всего соединять уже зрелые вещи, а не пытаться накачать аналогии. Ведь ход от натюрморта к фигуре по усложнению обобщений подобен ходу от лирики через эпiku к лироэпичности как адеквату бытия. Тут может не быть прямых соответствий, но зато есть внутренние. Словом, я предлагаю тебе для трех альбомов триединство герметизма. Прослушай их еще раз на маге, кроме того, посылаю текст. Их тут сейчас начали переводить на немецкий, последняя вещь, «Наталья», предназначается для швейцарской антологии (уже получено добро), остальные же две будут со временем опубликованы в Вене. Я нашел Роз-Мари Циглер, переводчицу Крученыха и Хлебникова, и сегодня для нее и для графини Разумовской<sup>91</sup> устраиваю поэтический вечер. Подъехал еще один поэт из Москвы, Алеша Цветков (куш-неровастьенький, но любопытный) и моя любовь, филологиня Полина. Очень грущу, что от тебя нет весточек, боюсь, что ты там впал в тоску и в работу (последнее бы хорошо, если именно работа, а не дела) и что у тебя там всякие финансовые и прочие сложности. У меня сложности только с Израилем. Эстер наконец соизволила ответить, ан всё время была дома, но «разучилась писать письма». Лучше бы она ссать разучилась. Я тут икру мечу, а она и не чешется. В пятницу опять иду в израильское посольство просить за материалы и посылать ей (от слова «еть» – спасибо тебе огромное за сказки и за всё прочее – по гроб) Эстер, чтоб она их там получила. Самому ехать очень сложно: нужна весомая рекомендация в австрийскую полицию, чтобы пустили смотреть, но в крайнем случае – ПРИДЕТСЯ. Поэтому поспрошай там насчет знакомых венских герцогинь, о которых говорили, чтобы порекомендовали. Толстовский фонд даст мне бумагу, что я еду в Америку, и Австрия мне не нужна (этого они больше всего боятся, выдавая документ), и если до середины сентября я ничего не получу или Эстер не сумеет разобраться, придется ехать. На что – соображу, мне ведь только на дорогу. Деньги, правда, приходится тут тратить помимо толстовских, на 90 шиллингов втроем никак не уложиться, но, может, мадам Беттина на что-нибудь клюнет. Пойми, без этих бумаг мне не жизнь, а из Америки в Израиль – сам понимаешь. Но это, повторяю, крайний случай. В пятницу поговорю. <...>

А в остальном живем тихонько. Мышь готовит, я прокуриваю все толстовские деньги, в Россию ни одно письмо из десяти еще не дошло, как и оттуда, сигарет не шлют, блокировали меня, как я понимаю, наглухо, телефон, правда, еще не глушат, но много ли скажешь за пять минут? А мне надо секретаршу вытаскивать, без нее я как без рук, а работы предстоит – уйма. Она же за еврея не хочет, у нее там папенька полковник, а где я ей иностранца найду? Продолжает там приводить в порядок мои материалы, Гены<sup>92</sup>

---

<sup>91</sup> Мария Андреевна Разумовская (1923–2015) – сотрудник Национальной библиотеки Вены, автор монографии «Марина Цветаева. Миф и действительность» (Frankfurt a. M.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1981) и переводов Цветаевой на немецкий.

<sup>92</sup> Фотограф Геннадий Самуилович Приходько.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.